

Уильям
Шекспир



Сонеты



*в переводах
Луки Умищева
и
Самуила Маршака*

San Diego
2012

Лука Умищев

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

(перевод на ново-русский)

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|---|-------------|
| Предисловие автора о АЛЬНЫХ переводах | 9 - |
| Сосем немного о Великом..... | 9 - |
| Был или не был? Вот в чем вопрос... .. | 10 - |
| Претенденты «на звание» Шекспира..... | 12 - |
| О сонетах Шекспира | 13 - |
| Номо Erectus | 14 - |
| Сонет 66 в многочисленных переводах..... | 16 - |
| Post Scriptum | 27 - |
| Эпиложек | 29 - |
| Сонет 1 | 30 - |
| Всяк зарится на щедрый урожай..... | 30 - |
| Сонет 2 | 31 - |
| Жизнь мчит, как будто бы играешь блиц!..... | 31 - |
| Сонет 3 | 32 - |
| Нарцисс, на зеркало опять воззрись:..... | 32 - |
| Сонет 4 | 33 - |
| Одно, приятель, непреложно | 33 - |
| Сонет 5 | 34 - |
| Струится время, как меж пальцами вода, | 34 - |
| Сонет 6 | 35 - |
| Мужская жизнь – она такая штука | 35 - |
| Сонет 7 | 36 - |
| Лишь на Востоке просыпается светило..... | 36 - |
| Сонет 8 | 37 - |
| Ты сам, как музыка, прекрасен, черт возьми!..... | 37 - |
| Сонет 9 | 38 - |
| Всю жизнь ты прожил, как <i>perpetum kobelino</i> | 38 - |
| Сонет 10 | 39 - |
| Перед тобою бабы – штабелями... Прямо груды! | 39 - |
| Сонет 11 | 40 - |
| Чем отличается от хера жизнь..... | 40 - |
| Сонет 12 | 41 - |
| Когда в закатный час во мрак уходит день..... | 41 - |
| Сонет 13 | 42 - |

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

| | |
|---|-------------|
| Ну, ты хо-ро-о-ш! Джигит, едрёна мать..... | 42 - |
| Сонет 14 | 43 - |
| Сказать по правде, я не звездочёт..... | 43 - |
| Сонет 15 | 44 - |
| Представить только! В толк я не возьму..... | 44 - |
| Сонет 16 | 45 - |
| Пойми, мой друг, теперь уж не до шуток..... | 45 - |
| Сонет 17 | 46 - |
| Кто мне поверит, будто ты и впрямь умён..... | 46 - |
| Сонет 18 | 47 - |
| Твой лик прекрасен, как весенний день | 47 - |
| Сонет 19 | 48 - |
| О ты, всепожирающее Время..... | 48 - |
| Сонет 20 | 49 - |
| Прости меня, я, старый пидарас | 49 - |
| Сонет 21 | 50 - |
| Я не соперник тем, кто попросту привык..... | 50 - |
| Сонет 22 | 51 - |
| Сказать по правде, я уже старик..... | 51 - |
| Сонет 23 | 52 - |
| Что дется со мной, едрёна мат..... | 52 - |
| Сонет 24 | 53 - |
| Ну, блин, уж мне совсем покоя нет..... | 53 - |
| Сонет 25 | 54 - |
| Вот так всегда: кому-то честь и власть..... | 54 - |
| Сонет 26 | 55 - |
| О, Бог моей любви! Тебя молю..... | 55 - |
| Сонет 27 | 56 - |
| Меня сегодня задолбали на работе | 56 - |
| Сонет 28 | 57 - |
| Увы, покой нам, братцы, только снится..... | 57 - |
| Сонет 29 | 58 - |
| Затрахала судьба... Не мил мне белый свет | 58 - |
| Сонет 30 | 59 - |
| Старею, блин... И не видать ни зги..... | 59 - |
| Сонет 31 | 60 - |
| Мне кажется, что крыша едет у меня | 60 - |
| Сонет 32 | 61 - |
| Коли из нас двоих я тапочки откину первым | 61 - |
| Сонет 33 | 62 - |
| Ласкаем солнцем, расцветает мир | 62 - |
| Сонет 34 | 63 - |
| Ну, этот грёбаный прогноз погоды..... | 63 - |

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

| | |
|---|---------------|
| Сонет 35 | - 64 - |
| Кончай юродствовать! Ну, кто не без греха | - 64 - |
| Сонет 36 | - 65 - |
| Известно испокон: у пары геев | - 65 - |
| Сонет 37 | - 66 - |
| Наверное, приятно средь детей и внуков..... | - 66 - |
| Сонет 38 | - 67 - |
| Представить только! Все о бабах стону | - 67 - |
| Сонет 39 | - 68 - |
| Хвалить тебя почти что неприлично..... | - 68 - |
| Сонет 40 | - 69 - |
| Нет в жизни у меня любви иной..... | - 69 - |
| Сонет 41 | - 70 - |
| Ну, ты, козёл, меня не уважаешь | - 70 - |
| Сонет 42 | - 71 - |
| Мужской любвию ты, падла, пренебрёг | - 71 - |
| Сонет 43 | - 72 - |
| Не плачут ли по мне уже врачи | - 72 - |
| Сонет 44 | - 73 - |
| Вот было б круго – обратиться в мысль,..... | - 73 - |
| Сонет 45 | - 74 - |
| Огонь и воздух – эти две стихии..... | - 74 - |
| Сонет 46 | - 75 - |
| Глаза и сердце у меня в смертельной драке:..... | - 75 - |
| Сонет 47 | - 76 - |
| Глаза мой и сердце в мире добром: | - 76 - |
| У сердца с глазом - тайный договор..... | - 76 - |
| Сонет 48 | - 77 - |
| В командировку еду по делам..... | - 77 - |
| Сонет 49 | - 78 - |
| Кажись, изблядовался я вконец..... | - 78 - |
| Сонет 50 | - 79 - |
| Ну, что ж – сам виноват! Допрыгался, козёл..... | - 79 - |
| Сонет 51 | - 80 - |
| Припомнился мне конь, мой верный друг..... | - 80 - |
| Сонет 52 | - 81 - |
| Я – Абрамович. Все мне по плечу..... | - 81 - |
| Сонет 53 | - 82 - |
| Ебёнтъ, откуда только взялся ты | - 82 - |
| Сонет 54 | - 83 - |
| Все, что прекрасно без фальшивой лести..... | - 83 - |
| Сонет 55 | - 84 - |
| В пыль превращен кладбищенский гранит..... | - 84 - |

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

| | |
|--|----------------|
| Сонет 56 | - 85 - |
| Ну, ты меня, подруга, заебала | - 85 - |
| Сонет 57 | - 86 - |
| Я – верный твой слуга. А в чем слуги задача..... | - 86 - |
| Сонет 58 | - 87 - |
| Избави Бог, меня лишивший воли..... | - 87 - |
| Сонет 59 | - 88 - |
| Да, блин, ничто не ново под луною..... | - 88 - |
| Сонет 60 | - 89 - |
| Да, время, блин, на месте не стоит..... | - 89 - |
| Сонет 61 | - 90 - |
| Лежу во тьме, сомкнув едва ресницы..... | - 90 - |
| Сонет 62 | - 91 - |
| Как самого себя люблю я, боже..... | - 91 - |
| Сонет 63 | - 92 - |
| О, пощади и не руби лихую голову | - 92 - |
| Сонет 64 | - 93 - |
| Безжалостное время всё разрушит | - 93 - |
| Сонет 65 | - 94 - |
| Об этой деве не могу не говорить взахлёб..... | - 94 - |
| Сонет 66 | - 95 - |
| Откину тапочки! Мне видеть невтерпё..... | - 95 - |
| Сонет 67 | - 96 - |
| Вот кобелино, всех почище кобелин..... | - 96 - |
| Сонет 68 | - 97 - |
| Блестит лик его хрустальной чистотой | - 97 - |
| Сонет 69 | - 98 - |
| Ты вся – венец природной красоты..... | - 98 - |
| Сонет 70 | - 99 - |
| У зависти похабнейший язык..... | - 99 - |
| Сонет 71 | - 100 - |
| Когда, сандали сбросив, в мир уйду иной..... | - 100 - |
| Сонет 72 | - 101 - |
| Когда отдам концы, ты малость погрусти | - 101 - |
| Сонет 73 | - 102 - |
| Да, осень поздняя – не лучший, блин, сезон | - 102 - |
| Сонет 74 | - 103 - |
| Настанет время, я сыграю в ящик..... | - 103 - |
| Сонет 75 | - 104 - |
| Я раздеваю догола тебя бесстыжим взглядом | - 104 - |
| Сонет 76 | - 105 - |
| Признаться, стих мой просто никауда..... | - 105 - |

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

| | |
|--|----------------|
| Сонет 77 | - 106 - |
| Я в зеркало смотреться не люблю | - 106 - |
| Сонет 78 | - 107 - |
| Украли, гады! Это ж сущий плагиат | - 107 - |
| Сонет 79 | - 108 - |
| О, как тебе я вешал на уши лапшу | - 108 - |
| Сонет 80 | - 109 - |
| Вот сукин сын! Подонки и ублюдки..... | - 109 - |
| Сонет 81 | - 110 - |
| Кто тапочки откинёт раньше, ты или я | - 110 - |
| Сонет 82 | - 111 - |
| Ты, вторя плетбу и простому люду..... | - 111 - |
| Сонет 83 | - 112 - |
| Не верь портрету с мягкостью постели | - 112 - |
| Сонет 84 | - 113 - |
| Где мне найти слова, едрёна мать..... | - 113 - |
| Сонет 85 | - 114 - |
| Пишу я пару строк, но неплохих | - 114 - |
| Сонет 86 | - 115 - |
| Он в честь тебя стихи всю ночь слагал | - 115 - |
| Сонет 87 | - 116 - |
| Ну, коль решила бросить – уходи..... | - 116 - |
| Сонет 88 | - 117 - |
| Когда своей натуре потакаю..... | - 117 - |
| Сонет 89 | - 118 - |
| Своей измене ищешь оправданье | - 118 - |
| Сонет 90 | - 119 - |
| Ну, ты, шалава подлая, даёшь | - 119 - |
| Сонет 91 | - 120 - |
| Как много в окруженьи фанфаронов..... | - 120 - |
| Сонет 92 | - 121 - |
| Нет, чёрта лысого, тебя я отпущу..... | - 121 - |
| Сонет 93 | - 122 - |
| Блажен, кто верует... Так буду ж я блажен..... | - 122 - |
| Сонет 94 | - 123 - |
| Пусть будет вечно славен тот злодей..... | - 123 - |
| Сонет 95 | - 124 - |
| Ты словно роза пышная весной | - 124 - |
| Сонет 96 | - 125 - |
| Ты вызываешь мнений бурный торг | - 125 - |
| Сонет 97 | - 126 - |
| Когда тебя со мною нет, в душе моей зима..... | - 126 - |

СОНЕТЫ ШЕКСПРА

| | |
|--|----------------|
| Сонет 98 | - 127 - |
| Лишь только кончились весенние капли..... | - 127 - |
| Сонет 99 | - 128 - |
| Моя поехала, по-видимому, крыша | - 128 - |
| Сонет 100 | - 129 - |
| Ну, что ж, Муза, ты, оладь, молчишь?..... | - 129 - |
| Сонет 101 | - 130 - |
| Ну, Муза, ты, признаюсь я, паскуда | - 130 - |
| О, ветреная муза, отчего..... | - 130 - |
| Сонет 102 | - 131 - |
| Любовь – она не мерится словами..... | - 131 - |
| Сонет 103 | - 132 - |
| Нет слов... Да и слова-то эти на хрена..... | - 132 - |
| Сонет 104 | - 133 - |
| Едрёна мать! Ужель прошло три года..... | - 133 - |
| Сонет 105 | - 134 - |
| Есть у меня единственный на свете идол..... | - 134 - |
| Сонет 106 | - 135 - |
| Сказать по правде, я от зависти синего | - 135 - |
| Сонет 107 | - 136 - |
| Всё начиналось, вроде, просто так..... | - 136 - |
| Сонет 108 | - 137 - |
| Скрипя пером из нержавеющей стали | - 137 - |
| Сонет 109 | - 138 - |
| Прости меня за гомосексный грех | - 138 - |
| Сонет 110 | - 139 - |
| Я был всегда гороховым шутом..... | - 139 - |
| Сонет 111 | - 140 - |
| Ты прав, мой Друг, обматерив меня | - 140 - |
| Сонет 112 | - 141 - |
| Сонет 113 | - 142 - |
| Ты от меня ушла... Я вижу мир другим | - 142 - |
| Сонет 114 | - 143 - |
| Я не пойму, то ли глаза мне врут..... | - 143 - |
| Сонет 115 | - 144 - |
| Сонет 116 | - 145 - |
| Да хер с тобой! Не хочешь – уходи..... | - 145 - |
| Сонет 117 | - 146 - |
| Нет оправдания мне... Да, я – козлище сраный | - 146 - |
| Сонет 118 | - 147 - |
| Вкушая жизнь, не надо горячиться..... | - 147 - |
| Сонет 119 | - 148 - |
| Я был могуч: ведь покорил весь мир же..... | - 148 - |

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

| | |
|--|--------------|
| Сонет 120 | 149 - |
| Мой Друг бывал порой со мною грубоват | 149 - |
| Сонет 121 | 150 - |
| О, злые языки – страшнее пистолета | 150 - |
| Сонет 122 | 151 - |
| Ты даришь мне на память свой портрет | 151 - |
| Сонет 123 | 152 - |
| Нет, чёрта лысого! Меня не изменить..... | 152 - |
| Сонет 124 | 153 - |
| Я не дурак, чтоб верить в удачу..... | 153 - |
| Сонет 125 | 154 - |
| Коль был бы президентский я холуй | 154 - |
| Сонет 126 | 155 - |
| Ах, Купидон, коварный шалунишка..... | 155 - |
| Сонет 127 | 156 - |
| Кто краше, ворон чёрный иль павлин | |
| Сонет 128 | 157 - |
| Ну, вот опять брэнчишь ты на гитаре! | |
| Сонет 129 | 158 - |
| Какой во время секса, на хер, стыд..... | 158 - |
| Сонет 130 | 159 - |
| Что ж, блин, я в ней сумел-таки найти..... | 159 - |
| Сонет 131 | 160 - |
| Ты так красива, так богата, так надменна..... | 160 - |
| Сонет 132 | 161 - |
| Я просто офигел... От глаз твоих тапсусь | 161 - |
| Сонет 133 | 162 - |
| Ну, ты, блядища подлая, даёшь..... | 162 - |
| Сонет 134 | 163 - |
| Да, блин, ты настоящий пидарас..... | 163 - |
| Сонет 135 | 164 - |
| По-аглицки Вильям значит «Хочу»..... | 164 - |
| Сонет 136 | 165 - |
| Зови меня ты ласково – «Хотенчик»..... | 165 - |
| Сонет 137 | 166 - |
| Как говорится, зла любовь, ох, зла!..... | 166 - |
| Сонет 138 | 167 - |
| Ты мне клянёшься в верности своей, | 167 - |
| Сонет 139 | 168 - |
| Блядуй с кем хочешь, но чтоб я не знал..... | 168 - |
| Сонет 140 | 169 - |
| Ну, ты – змеюга, мать твою ети! | 169 - |

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

| | |
|---|----------------|
| Сонет 141 | - 170 - |
| Со мною, блин, творится чёрти что..... | - 170 - |
| Сонет 142 | - 171 - |
| Да, я блядун... Я грешен! Ты права..... | - 171 - |
| Сонет 143 | - 172 - |
| Вон по колхозному двору дурная мать, | - 172 - |
| Сонет 144 | - 173 - |
| Что делать? Вот ведь, братцы, беда..... | - 173 - |
| Сонет 145 | - 174 - |
| Моя подруга вовсе оборзела нынче..... | - 174 - |
| Сонет 146 | - 175 - |
| Моя душа – купель греха земного | - 175 - |
| Сонет 147 | - 176 - |
| И правда: то понос, то золотуха | - 176 - |
| Сонет 148 | - 177 - |
| Мне кажется, совсем я охренел | - 177 - |
| Сонет 149 | - 178 - |
| Ты говоришь, что мы с тобой в войне..... | - 178 - |
| Сонет 150 | - 179 - |
| Нутром я чувствую: ты – блядь, не божество..... | - 179 - |
| Сонет 151 | - 180 - |
| Нет, блин, прошу, не вспоминай про совесть..... | - 180 - |
| Сонет 152 | - 181 - |
| Моя измена – лишь плёвок из дома..... | - 181 - |
| Сонет 153 | - 182 - |
| В лесной глуши, нажравшись, как свинья..... | - 182 - |
| Сонет 154 | - 183 - |
| Однажды купидон уснул на берегу | - 183 - |

Предисловие автора охАльных переводов

Сосем немного о Великом

Конечно же, величайшего драматурга всех времен и народов Уильяма Шекспира представлять никому не нужно, хотя, возможно, не помешает напомнить его основные жизненные вехи.



Уильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года в Стратфорд-на-Эйвоне графства Уорикшир, расположенного в самом центре Англии.

Сам городишко, где родился Шекспир, даже сейчас, в начале Третьего Тысячелетия, имеет население менее 25 тысяч человек (стадион в Лужниках вместил бы население четырех таких городков, как Стратфорд!). Чтобы вам не мучиться, рыская по карте в поисках этого городка, сообщу просто, что он расположен в 35 километрах от Бирмингема. Город знаменит тем, что число туристов на душу населения здесь, наверное, самое высокое в мире: сюда ежедневно приезжают десятки шекспироведов, шекспироманов, шекспирофилов и просто культурных людей. Однако вернемся к Шекспиру. Отцом мальчика был ремесленник-перчаточник, а мать принадлежала к одному из старейших саксонских родов. Есть источники указывающие, что истинная фамилия их была Шакспер, и оба они были безграмотны.



Восемнадцать лет Уильям был обвенчан с Энн Хатауэй, дочерью местного землевладельца, которая была на 8 лет его старше и, к тому же, на момент свадьбы была уже «глубоко беременна». Через шесть месяцев у молодоженов появилась дочь... Всего у Уильяма было трое детей – две дочери и сын, который умер в годовалом возрасте.

К сожалению, остальная жизнь драматурга покрыта мраком. Известно лишь, что в 1586 году Уильям исчезает из Стратфорда и всплывает лишь через шесть лет в одном из лондонских театров. Какие роли он исполнял, осталось неизвестным, хотя существует предание, что он играл «тень отца Гамлета» ☺. В 1597 году после появления драмы «Ричард II», породившей бурный гнев тогдашней королевы Елизаветы, Уильям сбегает из Лондона и ... всплывает в Стратфорде с приличным кушем денег, на которые тут же покупает себе самый большой в городке каменный дом на центральной площади.

Достоверно известно, что умер он 23 апреля (!!!) 1616 года и был захоронен в алтарной части Стратфордской церкви Святой Троицы, построенной еще в XIV веке. В 1622 году на могиле был установлен памятник.

Был или не был? Вот в чем вопрос...

А был ли мальчик? Этот сакраментальный вопрос муссируется вовсю уже давно.

Порою можно услышать, что сомнения в авторстве Шакспера в качестве Шекспира есть порождение обычной людской черной зависти. Но вряд ли кто подумает, что к числу подобных злопыхателей и завистников можно отнести Чарльза Диккенса, Ральфа Эмерсона, Отто фон Бисмарка, Бенджамина Дизраэли, лорда Генри Палмерстона, Уолта Уитмена, Анну Ахматову¹, Владимира Набокова², Зигмунда Фрейда³... А

¹ **Анна Андреевна Ахматова** (1889-1966) – крупнейшая русская поэтесса XX века.

² **Владимир Владимирович Набоков** (1899-1977)-русский и американский писатель, поэт, переводчик.

³ **Зигмунд Фрейд** (1856-1939) – австрийский психолог и психиатр, основатель психоаналитической школы.

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

остроязычный Марк Твен⁴ называл Шекспира самым великим из никогда не существовавших на свете людей...

Примечание: **Чарльз Диккенс** (1812-1870) - английский писатель викторианской эпохи.

Ральф Эмерсон (1803-1882) - один из виднейших мыслителей и писателей США.

Отто фон Бисмарк (1815-1898) - немецкий государственный деятель, первый канцлер Германской империи.

Бенджамин Дизраели (1804-1881) – английский государственный деятель и писатель.

Генри Палмерстон (1784-1865) – знаменитый английский государственный деятель.

Уолт Уитмен (1819- 1892) – американский поэт, публицист. **Анна Андреевна Ахматова** (1889-1966) – крупнейшая русская поэтесса XX века.

Владимир Владимирович Набоков (1899-1977)-русский и американский писатель, поэт, переводчик.

Зигмунд Фрейд (1856-1939) – австрийский психолог и психиатр, основатель психоаналитической школы.

Марк Твен (1835-1910) – американский писатель, журналист и общественный деятель.

А ведь возникли все эти сомнения не вчера и даже не позавчера.

За последние два с половиной века на «роль» Шекспира выдвигались самые различные претенденты – от блестящего философа Фрэнсиса Бэкона до другого Фрэнсиса – пирата Дрейка. Были версии, что под именем Шекспира скрывается целый авторский коллектив (типа нашего Козьмы Прутков).

Многие из этих версий отмечены, но некоторые до сих пор смущают исследователей-шекспиристов.

⁴ **Марк Твен** (1835-1910) – американский писатель, журналист и общественный деятель.

Есть ли основания для всех этих сомнений по поводу авторства Шакспера работами, подписанными Шекспиром?

Ну, конечно же, как всегда, нет дыма без огня... На могильном памятнике, установленном в Стратфордской церкви, Шакспер изображен держащим в руке перо. Но... перо-то, оказывается, было «вставлено в руку» уже где-то в XVIII веке! Изначально, как это видно из гравюр того времени, руки лежали на каком-то мешке...

Кстати, не сохранилось ни единой строчки, написанной рукой Шакспера.

У исследователей творчества Шекспира вызывает сомнение, как мог, нигде и никогда не учась, ни разу не побывав за пределами Англии, знать французский, на котором написана целая сцена в «Генрихе V»?

Еще один интересный факт: словарь Шекспира насчитывает около 20 тысяч слов. Кстати, словарь Фрэнсиса Бэкона – лишь около 9 тысяч слов. Заметим, что современный образованный англичанин использует около 5 тысяч слов, а средний англичанин в быту обходится и вовсе одной тысячейю.

Но, честно говоря, нам-то с вами какое до этого дело? Разве тот, кто восхищается творениями Козьмы Пруткова станет меньше (или больше) их любить, узнав, что это коллективный псевдоним Алексея Толстого, братьев Алексея, Владимира и Александра Жемчужниковых, а также Петра Ершова (да-да, того самого, который написал «Конька-горбунка!»)?

Претенденты «на звание» Шекспира

В 1772 году Герберт Лоренс издал книгу «Жизнь и приключения Здравого Смысла», где, в частности, писал: «Бэкон сочинял пьесы. Нет надобности доказывать, насколько он преуспел на этом поприще. Достаточно сказать, что он назывался Шекспиром».

Спустя несколько лет, в 1785 году преподобный Джеймс Уилмот, анализируя биографию Шекспира и приписываемые

ему тексты, сделал также предположение о том, что автором этих произведений является Фрэнсис Бэкон.

На данный момент насчитывается уже 77 кандидатов на авторство. Назовем только наиболее известных фигурантов этого любопытного «соревнования».

О сонетах Шекспира

Уильям Шекспир написал 154 сонета, причем большая их часть была создана в период с 1592 по 1599 годы. Почему именно 154? Это случайность или в этом заложен какой-то тайный смысл? Ведь мы знаем, какую роль играла нумерология в Средневековье, а Уильям Шекспир жил и творил именно в пору позднего средневековья...

Мне не удалось найти объяснения магическому числу 154, поэтому осталось только заняться собственными домыслами.

Что такое 154? Сразу бросается в глаза, что $154 = 77 \times 2$, а 77... А собственно, что такое 77? Никакого такого особого смысла в этом числе нет даже у средневековых магов.

Правда, 777 – замечательное число: так назывался знаменитый портвишок советских времен, но ... Пожалуй, это не имеет отношения к сонетам.

Но, в частности, $154 = 14 \times 11$. А вот тут уже можно заметить, что классический сонет («континентальный» ли, британский ли) содержит 14 строк. Напомню, что итальянские и французские сонеты содержат по два катрена (четверостишия) и два терцета (трехстишия), а сами понимаете, что $4+4+3+3=14$. Шекспировские же сонеты состоят из трех катренов и заключительного двустишия, называемого «сонетным ключом».

Потом я радостно вспомнил, что Венок Сонетов включает 15 сонетов! Он состоит из 14 сонетов, а завершается венком заключительным сонетом – «магистралом», который состоит из первых строк предыдущих четырнадцати сонетов и является тематическим и композиционным ключом всего венка.

Я быстренько сляпал первые строки четырех первых сонетов и получил:

From fairest creatures we desire increase,
When forty winters shall besiege thy brow,
Look in thy glass, and tell the face thou viewest.
Unthrifty loveliness, why dost thou spend...

Полное разочарование... Никакого магистрала не усматривается. Ни рифм нужных, ни сквозного смысла. Как в детстве говорилось: «Ни в лад, ни в склад – поцелуй кобыле зад...».

Тем не менее, я решил, что все же, может, у Шекспира была хотя бы смысловая разбивка по 14 сонетов? Тогда набирается на 11 венков без магистралов. Но тут уж так сразу не проверишь – надо сначала все перевести.

Вот я и начал...

Homo Erectus

Начиная со второй порции сонетов, Уильям Шекспир вдруг «прорезается» в своей новой ипостаси: он, как минимум ... бисексуал! (То, что он был не «чистым гомиком» следует из того, что после него осталось трое его детей.)

Достоверно известно, что Генри Ризли, граф Саутгемптонский, был покровителем Шекспира. Ходили даже версии, что именно граф был автором всего Шекспировского творчества. Однако, это, видимо, простые спекуляции досужих любителей «жареного».

А вот относительно недавно искусствоведы обратили внимание на женский портрет, на котором изображена якобы леди Нортон, дочь епископа Винтонского. При ближайшем более внимательном рассмотрении оказалось, что на портрете изображен молодой человек с женоподобными чертами лица, с губной помадой и с серьгой в ухе.

Дальнейшие сличения этого портрет с некоторыми другими подтвердили, что изображен на нем граф Генри Ризли (1573 – 1624), в доме которого Шекспир жил во время эпидемии чумы и которому посвятил многие свои сонеты. Но к чему всё это? Кем бы Шекспир ни был, его творчество остается! Как

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

говорилось в одном из анекдотов про Петра Чайковского, «дорог он нам не только этим».

Гениальное останется гениальным даже при сексуальном перекосе. И действительно, Сократ всегда остается Сократом. Александр Македонский навсегда останется Александром Великим. Микельанжело Буанаротти и Леонардо да Винчи навсегда вошли в историю мирового искусства... Музыка Георга Фредерика Генделя, Франца Шуберта, Петра Чайковского и Эдварда Грига будет жить в веках. А Артур Рембо, а Оскар Уайльд, а Андре Жид, а Поль Верлен?..

Единственно, не надо забывать простую истину: все они были гениями не потому, что были геями, а геями были не потому, что были гениями. Уж просто так случилось!

А истинный Уильям Шекспир, судя по всему, был прямо-таки Homo Erectus: он трахал всё, что движется! Ну, да Бог ему судья! По мне, так это все неважно: я терпим (то бишь толерантен), по мне люби, кого хошь, только в душу (а тем более, в жопу) мою не лезь.

Сонет 66 в многочисленных переводах

Творчество Шекспира – кем бы он ни был, Шакспером или Шекспиром – уже полтысячи лет влечет к себе переводчиков всего мира. Особенной популярностью пользуется (и неспроста!) 66-й сонет. Вот несколько образцов переводов его на русский язык за последние почти двести лет. Все они по-разному передают одни и те же нюансы сонета, их интересно читать, сравнивая.

Владимир Григорьевич БЕНЕДИКТОВ

(1807-1873)

Русский поэт и переводчик.

Я жизнью утомлен, и смерть — моя мечта.
Что вижу я кругом? Насмешками покрыта,
Проголодалась честь, в изгнание правота,
Корысть — прославлена, неправда — знаменита.
Где добродетели святая красота?
Пошла в распутный дом: ей нет иного сбыта!..
А сила где была последняя — и та
Среди слепой грозы параличом разбита.
Искусство сметено со сцены помелом:
Безумье кафедрой владеет. Праздник адский!
Добро ограблено разбойническим злом;
На истину давно надет колпак дурацкий.
Хотел бы умереть; но друга моего
Мне в этом мире жаль оставить одного.

Николай Васильевич ГЕРБЕЛЬ

(1827-1883)

Русский поэт-переводчик, литературовед, издатель-редактор, библиограф.

В усталости моей я жажду лишь покоя!
Как видеть тяжело достойных в нищете,
Ничтожество в тиши вкушающим благое,
Измену всех надежд, обман в святой мечте,
Почёт среди толпы, присвоенный неправо,
Девическую честь, растоптанную в прах,
Клонящуюся мощь пред роком величаво,

СОНЕТЫ ШЕКСПРА

Искусство, свой огонь влачащее в цепях,
Низвергнутое в грязь прямое совершенство,
Учёность пред судом надменного осла,
Правдивость, простоте сулимая в блаженство,
И доброту души в служении у зла!
Всем этим утомлён, я бредил бы могилой,
Когда бы не пришлось тогда проститься с милой.

Модест Ильич ЧАЙКОВСКИЙ

(1850- 1916)

Русский драматург, оперный либреттист, переводчик, театральный критик. Младший брат Петра Ильича Чайковского.

Томимый этим, к смерти я взываю;
Раз что живут заслуги в нищете,
Ничтожество ж — в веселье утопая,
Раз верность изменяет правоте,
Раз почести бесстыдство награждают,
Раз девственность вгоняется в разврат,
Раз совершенство злобно унижают,
Раз мощь хромые силы тормозят,
Раз произвол глумится над искусством,
Раз глупость знания принимает вид,
Раз здравый смысл считается безумством,
Раз что добро в плену, а зло царит —
Я, утомленный, жаждал бы уйти,
Когда б тебя с собой мог унести!

Анатолий Николаевич КРЕМЛЕВ

(1859-1919)

Русский драматург, поэт, журналист.

Зову я смерть — покой моих скорбей, —
Я вижу, что бедняк всем чужд, назначен
Не к радости, а к горю средь людей,
Дом верности чистейший в них утрачен;
Честь ложно и постыдно воздана;
Достоинство унижено обидно,
И чистота души развращена;
Хромая власть сковала дух постыдно,

Заставила искусство замолчать,
Невежда, как ученый, правит знаньем,
И глупостью все скромность стали звать,
Добро в плену у зла: таким сознаньем
Измученный, оставил землю б я,
Когда б ни здесь была любовь моя!

Федор Алексеевич ЧЕРВИНСКИЙ
(1864-1917)

Русский поэт, печататься начал, когда ему было всего 16 лет.

Тебя, о смерть, тебя зову я, утомленный.
Устал я видеть честь поверженной во прах,
Заслугу — в рубище, невинность — оскверненной,
И верность — преданной, и истину — в цепях.
Глушцов, горящихся лавровыми венками,
И обесславленных, опальных мудрецов,
И дивный дар небес, осмеянный слепцами,
И злое торжество пустых клеветников.
Искусство — робкое пред деспотизмом власти,
Безумья жалкого надменное чело,
И силу золота, и гибельные страсти,
И Благо — пленником у властелина Зло.
Усталый, льнул бы я к блаженному покою,
Когда бы смертный час ни разлучал с тобою.

Сергей Андреевич ИЛЬИН
(1867 -1914)

Русский поэт, критик, музыкальный деятель.

Я смерть зову измученной душою,
Устав смотреть, как слеп капризный рок,
Как добродетель борется с нуждою,
И в золоте кушается порок.
Как рядом с верой ложь живет на свете,
Как лаврами ничтожество дарят,
Невинность как бесстыдно ловят в сети,
Как всюду силы темные царят.

СОНЕТЫ ШЕКСПРА

Как рот искусству нагло зажимают,
Как в нем судьей невежда хочет бытъ,
Как глупостью правдивость называют,
Как добродетель злу должна служить...

Уйти б скорей в прохладный мрак могилы,
Да друга бросить здесь не хватит силы.

Александр Моисеевич ФИНКЕЛЬ
(1899-1968)

Известный лингвист, профессор Харьковского университета, поэт.

Устал я жить и умереть хочу,
Достоинство в отрешье видя рваном,
Ничтожество — одетое в парчу,
И Веру, оскорбленную обманом,
И Девственность, поруганную зло,
И почестей неправых омерзенье,
И Силу, что Коварство оплело,
И Совершенство в горьком униженье,
И Прямоту, что глупой прослыла,
И Глупость, проверяющую Знанье,
И робкое Добро в оковах Зла,
Искусство, присужденное к молчанью.
Устал я жить и смерть зову скорбя.
Но на кого оставлю я тебя?!

Анатолий Васильевич ЛУНАЧАРСКИЙ
(1875-1933)

Русский советский писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед. Первый нарком просвещения СССР. Академик АН СССР.

Устав от этого — о смерти я кричу.
Талант рождается позорным нищим,
Ничто красуется в блистательном жилище,
И верность отдана злосчастью-палачу.

Златой венки на голове притворства,
И дева-скромность здесь осквернена.
Высокий дух казнен за непокорство,
Тиранству вялому над мощью власть дана.
В наморднике чиновничьем искусство,
И доктор Дурль — над гением патрон,
Зовется глушостью естественное чувство,
И Благ — рабом; и Гаду гнут поклон.
Устал я и хотел бы сна могилы,
Но как оставить мне тебя, мой милый.

Осип Борисович РУМЕР
(1883—1954)

Российский поэт-переводчик, филолог.

Я смерть зову, глядеть не в силах боле,
Как гибнет в нищете достойный муж,
А негодяй живет в красе и холе;
Как топчется доверье чистых душ,
Как целомудрию грозят позором,
Как почести мерзавцам воздают,
Как сила никнет перед наглым взором,
Как всюду в жизни торжествует плут,
Как над искусством произвол глумится,
Как правит недомыслие умом,
Как в лапах Зла мучительно томится
Все то, что называем мы Добром.
Когда б не ты, любовь моя, давно бы
Искал я отдыха под сенью гроба.

Михаил Александрович ДУДИН
(1916-1993)

Советский поэт, переводчик. Лауреат Госпремии СССР.

Я умер бы, от всех невзгод устав,
Чтоб кровную не видеть нищету,
И веру справедливости без прав,
И праздного ничтожества тщету,

И не по чести почестей черед,
И на цветущей девственности сор,
И силу, что калекою бредет,
И совершенство, впавшее в позор,
И в соловьином горле кляп властей,
И глупость в облаченье мудреца,
И праздник лжи над правдою страстей,
И честь добра под пяткой подлеца.
Я умер бы, судьбы не изменя, -

Но что ты будешь делать без меня?

Або Сергеевич Шаракшанэ
(1921-2005)

Советский конструктор средств противоракетной обороны, доктор технических наук, генерал-майор, лауреат Госпремии СССР в области науки и техники, поэт.

Я смерть зову, мне в тягость этот свет,
Где мается достоинство в нужде,
И где ничтожество живет без бед,
И чистой веры не сыскать нигде,
И лаврами увенчаны плуты,
И честь девичью треплют на торгах,
И совершенство — жертва клеветы,
И чахнет мощь у немощи в руках,
И власть искусству заперла уста,
И блажь в управу знание взяла,
И искренность зовется «простота»,
И под пятой добро живет у зла, —
Устал я и бежал бы от всего,
Но как я брошу друга своего?

Александр Сергеевич ГУРЕВИЧ (КУЛИК)
(1959-2002)

Современный российский поэт, переводчик поэзии и прозы

Уставши жить, о смерти я молю,
Чтоб не смотреть, как губят бедняка,
И шлют дары ничтожному нулю,
И поширают веру свысока,
И оставляют доблесть без наград,
И честь девичью грубо гонят в блуд,
И правду мысли кривою клеймят,
И властью хилых силу стерегут,
И держат кляп у гения во рту,
И ставят дурь следить за ремеслом,
И простодушьем кличут простоту,
И доброту закабаляют злом.
Уставши жить, о смерти слезы лью,
И лишь любовь не брошу здесь свою.

Андрей Иванович КУЗНЕЦОВ

современный дальневосточный поэт.

Мне плохо жить, я смерти был бы рад,
Не видеть злой, голодной нищеты,
И бедствий страшных беспросветный ад,
И черный цвет духовной пустоты,
И гордость у ничтожества в плену,
И девичью поруганную честь,
И совершенство, пущенным ко дну,
И правду, замененную на лесть,
И творчества зажатый властью рот,
И глупость ту, что судит мастерство,
И ложь, что после клятвы нагло врет,
И доброту, что ублажает зло...
Мне плохо жить, конец предвижу дней,
Но не покину я любви моей.

Игорь Залманович ФРАДКИН

Современный Петербургский поэт-переводчик

Смерть призываю я - немогогу
Мне видеть торжество неправой силы,
Достоинство, что ввергли в нищету,
И Веру, что обманом подкосили,
И разодетую до блеска Мразь,
И Глупость, поучающую Знанье,
И Непорочность, втоптанную в грязь,
И Музу в лапах палача-Молчанья,
И Благодсть, ставшую служанкой Зла,
И Честность, что прослыла простотою,
И Немошь, что над Мошью власть взяла,
И Зло, взлелеянное Добротою -
Смерть призывая, умереть не смею:
Любовь сгублю кончиною своего.

Владимир Борисович МИКУШЕВИЧ

Современный российский поэт, прозаик, переводчик.

Кричу я смерти: Где ты? Я устал
Смотреть, как бьется доблесть в нищете,
Как низость удостоена похвал,
Как веру обрекают клевете,
Как знатность подлостью посрамлена,
Как девственностью властвует разврат,
Как добродетель гнусно растлена,
Как силу душил хилый супостат,
Как рот искусству затыкает власть,
Как бред ученый разуму вредит,
Как правду кривда попирает всласть,
Как злоба добротой руководит.
Кричу я, но ответа не дано,
И бросить здесь любовь мою грешно.

Инна АСТЕРМАН

Современная израильская поэтесса и переводчик.

Измотан всем, готов просить конца -
Уйти от обездоленных заслуг,
От нищенской веселости слепца,
От веры, слишком праведной для мук,
От мнимой чести, алчущей наград,
От совершенств, ославленных везде,
От чистоты, согласной на разврат,
От сил у властной немощи в узде,
От мысли, в унижении немой,
От мастерства, судимого глушцом,
От правды, что зовется простотой,
От доброты, смиренной перед злом, -
Измотан всем, и смерть меня манит,
И лишь любовь утраты не простит.

Борис Абрамович КУШНЕР

Современный российский поэт.

Душой устав, я плачу о кончине.
Нет силы видеть муки нищеты,
И пустоту в ликующей личине,
И совершенство — жертвой клеветы,
И девственность, что продана разврату,
И простоту, что превратили в срам,
И веры повсеместную утрату,
И неуместной славы фирмам,
И глупость, поучающую вечно,
И власть, остановившую перо,
И мощь в плену у мерзкого увечья,
И злом поработченное добро.
Душой устав, уснул бы я совсем.
Но как тебя оставить с этим всем?!

Лука УМИЩЕВ

Псевдоним широко известного в весьма узких кругах поэта-самоучки.

Откину тапочки! Мне видеть нестерпёж,
Как честного ебут и в хвост и в гриву,
Как грязью мажут чистоту – ядрёна вошь!
Как олигархи царствуют глумливо...
Как развращают молодых людей,
Как истиной зовут прямую ложь,
Как возвышают истинных блядей,
Как, блин, вонзают правде в спину нож...
Когда мудаки возвышен, как пророк,
А умному судьба сидеть в психушке,
Когда талант не пущен на порог,
А бездарь у Госдумовской кормушки...
Куда же наша катится Земля?
Давно бы спинул, да тебя мне жалко, бля...

И все же мне захотелось выделить два своих любимых перевода отдельно...

Борис Леонидович ПАСТЕРНАК

(29 января 1890 – 30 мая 1960) Один из крупнейших русских поэтов XX века, писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе.



Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как, шутя, живетса богачу,
И доверять, и попадать впросак,
И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену,
И вспоминать, что мысли замкнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямотушье простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.
Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу трудно будет без меня.

Самуил Яковлевич МАРШАК

(22 октября 1887 – 4 июля 1964)

Русский советский поэт, драматург, переводчик, литературный критик.

Лауреат Ленинской и четырёх Государственных премий.



Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глаумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,

И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.
 Все мерзостно, что вижу я вокруг...
 Но как тебя покинуть, милый друг!

Заключительный дифирамб одного из переводчиков

(видимо, не Маршака)

Сэр Уильям! Низкий мой тебе поклон...
Твой лик, воистину, достоин нимба.
По праву ты давно воссел на трон
Литературного Олимпа.
Прошло без малого почти полтыщи лет
С тех пор, как ты уже ушел от нас,
Но жив и вечно будет жить сонет:
Ведь он воистину для нас, что Божий глас!
Талдычит кое-кто, что есть в тебе изъян.
По-моему ж, ты любишь всех людей –
От пролетарок и простых крестьян,
До знатных педерастов и блядей.
 Ты – величайший человеколюб!..
 Прости, порой бываю я немного груб...

Post Scriptum

Хотел бы заранее извиниться перед старушками, женщинами, девушками и девочками за некоторую nepзволительную вольность языка. Конечно, это нехорошо – сваливать свои грехи на прецеденты, даже великие, но я всё же воспользуюсь этим непристойным (если не гнусным) приёмом.

Известно, что Пушкина не погладили по головке за «Гавриилиаду», а «Луку Мудищева» Ивана Баркова непристойно

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

даже помянуть в сколько-нибудь приличном обществе...
Вспомните охальные строки Александра Сергеевича:

«И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвести.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его...»

Или описание боя Архангела Гавриила и беса-соблазнителя:

«Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет;
Но, к счастью, проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу».

А сцена «грехопадения» самой (не *самой*, а *самой* 😊)
Пресвятой Девы Марии, зачавшей непорочно (а как же еще?!) от
Господа нашего, Яхве Иеговича Элоимова?

«В ее окно влетает голубь милый,
Над нею он порхает и кружит,
И пробует веселые напевы,
И вдруг летит в колени милой девы,
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, колышется, вертится,
И носиком и ножками трудится...»

Возражения ваши знаю заранее: «Что позволено Зевсу, то
не позволено быку!» А я даже и не бык... Так, рядовой козёл...
Посему позвольте мне закончить немногими (может, даже
единственными 😊) приличными словами из поэмы Ивана
Семёновича Баркова (кстати, весьма высоко ценимого в свое,
еще допушкинское время):

«Мои богини! Коль случится
Сию поэму в руки взять —
Не раскрывайте. Не годится
И неприлично вам читать.»

Вы любопытны, пол прекрасный,
Но воздержитесь на сей раз.
Здесь слог письма весьма опасный!
Итак, не трогать, прошу вас.
Что ж, коли слушать не хотите,
То, так и быть, её прочтите.
Но после будете жалеть:
Придётся долго вам краснеть!

Эпиложек

Вот и я не удержался, примкнул к полку многочисленных переводчиков шекспировских сонетов. Сознаюсь, что переводами в полном смысле этого назвать нельзя: скорее, это «вариации на тему».

Что же вышло у меня с охАльными переводами – вам судить, читатели (как ругатели, так и почитатели). Переводы сопровождаются переводами Маршака. Я обращался к оригиналу лишь тогда, когда мне был не до конца ясен смысл перевода Маршака. (Но чтение Шекспира в подлиннике – не самое большое удовольствие, скажу вам прямо!)

Я старался. Я хотел, как лучше, хотя, возможно, получилось, как всегда... Но уж что вышло – вам судить, читатели (как ругатели, так и почитатели).

И еще раз: внимайте моим предупреждениям. Не всякому уху годна чернуха! (Хотя и на старуху находит порнуха...) Посему, отвергнув в благородном негодовании вирши сии, вспомните, что предупреждены были, а отсюда корить можете токмо себя за чтение непотребного,

При сём остаюсь с охАльным почтением,

Лука Умищев.

*Апрель 2012,
Санкт-Диегсбург,
Калифорния.*

Сонет 1

Умищев:

Всяк зарится на щедрый урожай,
Ему лишь хмель да бабки по нутру.
Но коли любишь красоту, не угрожай,
Что срежешь розу юную к утру.

А ты, влюбленный по уши в себя,
Влюбленный в отражение зеркал,
Живешь, «капусту» под себя гребя,
И понимаешь только слово «нал».

Да, ты в бомонде самый бомондюк,
Живешь пустым, никчемным пустоцветом
Но ты пойми, что если ты индюк,
То станешь к осени простым паштетом.

Запомни истину, известную давно:

Кто в юности никто, тот в старости – говно...

Маршак:

Мы урожая ждем от лучших лоз,
Чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз,
Хранит их память роза молодая.

А ты, в свою влюбленный красоту,
Все лучшие ей отдавая соки,
Обилье превращаешь в нищету, -
Свой злейший враг, бездушный и жестокий.

Ты - украшенья нынешнего дня,
Недолговременной весны глашатай, -
Грядущее в зачатке хороня,
Соединяешь скарედность с растратой.

Жалея мир, земле не предавай

Грядущих лет прекрасный урожай!

Сонет 2

Умищев:

Жизнь мчит, как будто бы играешь блиц!
И глазом не моргнул – разменян сороковник...
Девицы пачками не падают уж ниц
Перед тобой, хохмач и вечный ёрник?
На «дружеский» подъѐб: «Допрыгался, козёл?
Уж никому не нужен больше, на хер?»
Ты будешь снисходителен, не зол:
Тебя ведь не пугают эти страхи.
С улыбкой прежней, как ты раньше мог,
Ответствуешь: « Меня вы утомили...
Да что мне «я», теперь уж мой сынок
Мой правит бал в подлунном этом мире!»
К тому ж мой век получше вы измерьте:
Пока я жив – я все еще бессмертен!»

Маршак:

Когда твое чело избороздят
Глубокими следами сорок зим,
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?
И на вопрос: "Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?" -
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.
Достойней прозвучали бы слова:
"Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива,
В них оправданье старости моей".
Пусть с годами стынувшая кровь
В наследнике твоём пылает вновь!

Сонет 3

Умищев:

Нарцисс, на зеркало опять воззришь:
Ведь ты и впрямь совсем еще не плох!
Но род свой ты продлить поторопись,
Коль ты не самый заваливший лох.

Скорей свою подружку забрюхатъ:
Она ведь, дура, будет только рада.
И ты, старик, кончай уже трухатъ –
Тебе давно остепениться надо!

Ты год от года в зеркале страшней...
А сын твой будет лучше отраженья!
И сам ты станешь мягче и нежней,
Найдя победу даже в пораженья!

А коли только в зеркало смотреть...
Не лучше ль было до рожденья умереть?

Маршак:

Прекрасный облик в зеркале ты видишь,
И, если повторить не поспешишь
Свои черты, природу ты обидишь,
Благословенья женщину лишишь.

Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь?
Или бессмертия тебе не надо, -
Так велика к себе твоя любовь?

Для материнских глаз ты - отраженье
Давно промчавшихся апрельских дней.
И ты найдешь под старость утешенье
В таких же окнах юности твоей.

Но, ограничив жизнь своей судьбою,
Ты сам умрешь, и образ твой - с тобою.

Сонет 4

Умищев:

Одно, приятель, непреложно,
Сколь ни перечь, сколь ни буйнь:
В одну телегу впрячь не можно
Коня и долбаную лань.

Твоя цель в жизни просто ложна.
Включил бы мозги, идиот!
Ты перетрахал все, что можно,
Все что ползет, летит, плывет...

А где же те, что плоть от плоти?
Где те, что в мире всех дороже?
Скажи, на Божьем эшафоте
Предстанешь ты с какою рожей?

Один пребудешь, как Онан,
В руках держащий свой банан...

Самуил Маршак:

Растратчик милый, расточаешь ты
Свое наследство в буйстве сумасбродном.
Природа нам не дарит красоты,
Но в долг дает - свободная свободным.

Прелестный скряга, ты присвоить рад
То, что дано тебе для передачи.
Несчитанный ты укрываешь клад,
Не становясь от этого богаче.

Ты заключаешь сделки сам с собой,
Себя лишая прибылей богатых.
И в грозный час, назначенный судьбой,
Какой отчет отдашь в своих растратах?

С тобою образ будущих времен,
Невоплощенный, будет погребен.

Сонет 5

Умищев:

Струится время, как меж пальцами вода,
Даря нам мелкие одномоментные утехи,
Крадя при этом силы, юные года,
И рыцарские бранные доспехи.

Встал-лёг... Встал-лёг... И вот уже зима!
А где ж весна с веселою капелью?
А где ж ты, милая, теперь? Эх, ма!
Неужто соловьи июньские отпели?

Лишь иней-пересмешник гладь стекла
Покрыл своим чарующим узором...
Невольню капелька из глаза потекла...
Увидел розу помутневшим взором...

Вот так на склоне лет припомнишь ты
Цветы былые небывалой красоты...

Маршак:

Волшебный праздник создает для глаз.
И то же время в беге круговом
Уносит все, что радовало нас.

Часов и дней безудержный поток
Уводит лето в сумрак зимних дней,
Где нет листвы, застыл в деревьях сок,
Земля мертва и белый плащ на ней.

И только аромат цветущих роз -
Летучий пленник, запертый в стекле, -
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.

Свой прежний блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты.

Сонет 6

Умищев:

Мужская жизнь – она такая штука:
Сначала – стал, чуть позже нечто встало,
(Чтоб нечто встало – в том невелика наука),
Потом не встало, а потом и самого не стало.

А посему подумай, как продлить
Свой род, чтобы его в веках несла Земля.
Как сделать, чтобы не оборвалась жизни нить?
Меня ты, я надеюсь, понял, бля?

Ведь сына сын, а после – сына сына сын,
И дочка дочери, и дочки дочери дочурка –
Вот путь к бессмертию... У всех один!
Пойми, коль ты мужик, а не простая чурка.

Скажу тебе: ты ж право, не дурак.
Так не давай себе уйти бесследно в мрак!

Маршак:

Смотри же, чтобы жесткая рука
Седой зимы в саду не побывала,
Пока не соберешь цветов, пока
Весну не перельешь в хрусталь фиала.

Как человек, что драгоценный вклад
С лихвой обильной получил обратно,
Себя себе вернуть ты будешь рад
С законной прибылью десятикратной.

Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторенный,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной.

Ты слишком щедро одарен судьбой,
Чтоб совершенство умерло с тобой.

Сонет 7

Умищев:

Лишь на Востоке просыпается светило,
Свою главу вздымая к горизонту,
Вся живность пробуждается ретиво –
Кто в лес, кто по дрова, а кто и на охоту.

И мы, когда в расцвете сил, в зените –
Нас тыщи глаз дарят своим восторгом.
Но полдень позади... И, извините,
На вас они кладут известный орган!

Вот так всегда: когда в тебе нужда,
Ты нужен всем – в Америке, в Европе...
Но наступил закат... А ты его не ждал!
И оказался ты во тьме, у негра в жопе...

И только дети – будущий наш свет!
Иного, уж поверь, бессмертья в жизни нет.

Маршак:

Пылающую голову рассвет
Приподымает с ложа своего,
И все земное шлет ему привет,
Лучистое встречая божество.

Когда в расцвете сил, в полдневный час,
Светило смотрит с высоты крутой, -
С каким восторгом миллионы глаз
Следят за колесницей золотой!

Когда же солнце завершает круг
И катится устало на закат,
Глаза его поклонников и слуг
Уже в другую сторону глядят.

Оставь же сына, юность хороня.
Он встретит солнце завтрашнего дня!

Сонет 8

Умищев:

Ты сам, как музыка, прекрасен, черт возьми!
Но почему ж ее боишься, словно черти ладан?
При радости ты поминаешь мать Кузьмы,
Как будто бы тебе мучений только надо?

Мне непонятен этот мазохизм-маразм...
Ты ж будто тот из анекдота йог,
Что получал свой неземной оргазм,
Бия камнями то, что между ног!..

Очнись! И посмотри, как жизнь прекрасна!
Все – от букашек до слонов – в любви.
Лишь ты свой коротаешь век напрасно,
Тоски удавом, как плющом обвит...

Не лучше ль веки на века смежить,
Чем, не живя, свой век вот так вот жить?

Маршак:

Ты - музыка, но звукам музыкальным
Ты внемлешь с непонятною тоской.
Зачем же любишь то, что так печально,
Встречаешь муку радостью такой?

Где тайная причина этой муки?
Не потому ли грустью ты объят,
Что стройно согласованные звуки
Упреком одиночеству звучат?

Прислушайся, как дружественно струны
Вступают в строй и голос подают, -
Как будто мать, отец и отрок юный
В счастливом единении поют.

Нам говорит согласие струн в концерте,
Что одинокий путь подобен смерти.

Сонет 9

Умищев:

Всю жизнь ты прожил, как *perpetum kobelino*,
Часы считая, лишь от случки и до случки.
И нету у тебя ни дочери, ни сына...
Да и любовницы твои – не женщины, а случки!
Ну, перетрахаешь полмира, а потом?
Мрак, холод, пустота... Смотри, не *шизнь*ись!
Ведь в старости мы греемся теплом,
Которое мы изучали в прежней жизни.
Задумайся, в чем радость бытия...
Сиюминутность баб?.. Или бабло?..
Власть над плебейми?.. Безмерность питания?..
Все это ведь тебя до смерти загло!
Тот, кто советам мудрым в юности не внял,
Тот жизнь своею же рукою изговнял.

Маршак:

Должно быть, опасаясь вдовьих слез,
Ты не связал себя ни с кем любовью.
Но если б грозный рок тебя унес,
Весь мир надел бы покрывало вдовье.
В своем ребенке скорбная вдова
Любимых черт находит отраженье.
А ты не оставляешь существа,
В котором свет нашел бы утешенье.
Богатство, что растрчивает мот,
Меняя место, в мире остается.
А красота бесследно промелькнет,
И молодость, исчезнув, не вернется.
Кто предает себя же самого –
Не любит в этом мире никого!

Сонет 10

Умищев:

Перед тобою бабы – штабелями... Прямо груди!
А нужен ли тебе хоть кто-нибудь из них?
Тебе от них нужны лишь жопы, губы, груди...
А о Психее женской ты подумал, псих?
Ты злейший враг для самого себя!
Ты разрушаешь дом, где ты сегодня:
Ведь если женщина живет с тобой, любя,
То почему бежишь ты снова к сводне?
И будто с голода зубами ты не лязгай,
Увидев шлюху... Чтоб тебе сгореть!
Пора кончать с такою жизнью блядской.
Найди любовь, что душу будет греть.
Найди любовь! Не делай из себя себе врага.
Ведь ты пока ни черту свечка и ни Богу кочерга!

Маршак:

По совести скажи: кого ты любишь?
Ты знаешь, любят многие тебя.
Но так беспечно молодость ты губишь,
Что ясно всем - живешь ты, не любя.
Свой лютый враг, не зная сожаленья,
Ты разрушаешь тайно день за днем
Великолепный, жаждущий обновленья,
К тебе в наследство перешедший дом.
Переменись - и я прощу обиду,
В душе любовь, а не вражду пригрей.
Будь так же нежен, как прекрасен свиду,
И стань к себе щедрее и добрей.
Пусть красота живет не только ныне,
Но повторит себя в любимом сыне.

Сонет 11

Умищев:

Чем отличается от хера жизнь?
Жизнь жёстче, правда, хер – короче.
Поэтому ты принципов держись:
Будь щедр, терпим, надежен, честен, прочен.
Я одного никак всё не пойму,
Законам логики оно не подчиняется:
О Господи, скажи мне, почему
Безликим, грубым, злым не оторвешь ты яйца?
А тот, кому ты дал великий дар –
Любовь, талант и доброту без меры,
Тому не наноси безвременный удар,
Иначе, Боже, Ты лишишь в Тебя нас веры.
Пусть лучше будет так, как было испокон:
Пусть миром правит Дарвиновский, а не Твой закон.

Маршак:

Мы вянем быстро - так же, как растем.
Растем в потомках, в новом урожае.
Избыток сил в наследнике твоём
Считай своим, с годами остывая.
Вот мудрости и красоты закон.
А без него царили бы на свете
Безумье, старость до конца времён,
И мир исчез бы в шесть десятилетий.
Пусть тот, кто жизни и земле не мил, -
Безликий, грубый, - гибнет невозвратно.
А ты дары такие получил,
Что возвратить их можешь многократно.
Ты вырезан искусно, как печать,
Чтобы векам свой отгиск передать.

Сонет 12

Умищев:

Когда в закатный час во мрак уходит день,
Когда осенний лес лысеет на глазах,
Когда мой друг тупеет словно пень,
Лишь пряди белые блестят в его власах,
 Когда поднять упавший лист уже невмочь,
Когда пью не коньяк – валокордин,
Когда не помню, для чего приходит ночь,
И засыпаю быстренько один,
 То понимаю, жизнью долгой умудрён:
Как те цветы, пожухли, отцвели мы...
Но нам ли унывать с тобой, едрён?
Ведь жизнь – болезнь, к тому ж неисцелима!
 Зато мы прожили с тобой вдвоем, не порознь,
 Оставив миру этому младую поросль!

Маршак:

Когда часы мне говорят, что свет
Потонет скоро в грозной тьме ночной,
Когда фиалки вянет нежный цвет
И темный локон блещет сединой,
 Когда листва несется вдоль дорог,
В полдневный зной хранившая стада,
И нам кивает с погребальных дроз
Седых снопов густая борода, -
 Я думаю о красоте твоей,
О том, что ей придется отцвести,
Как всем цветам лесов, лугов, полей,
Где новое готовится расти.
 Но если смерти серп неумолим,
 Оставь потомков, чтобы спорить с ним!

Сонет 13

Умищев:

Ну, ты хо-ро-о-ш! Джигит, едрёна мать!
Но жизнь длинна, и к старости все глохнут,
Глаза слабеют, трудно руки подымать...
Скажу тебе – и яйца даже сохнут!

 Так что не тщишь, недолго гарцевать
Тебе джигитом на лихом коне!
Клистир, уколы, утка да кровать...
И рамы переплет, как будто крест в окне...

 А посему, мой друг поторопись –
Ведь все равно всех баб не переешь:
Семьей, детишками скорей обзаведись,
Чтоб смысл у жизни появился впредь!
 Зато, когда тебе уже кирдык-пиздец,
 Услышишь тихое: «Как я люблю тебя, отец...»

Маршак:

Не изменяйся, будь самим собой.
Ты можешь быть собой, пока живешь.
Когда же смерть разрушит образ твой,
Пусть будет кто-то на тебя похож.

 Тебе природой красота дана
На очень краткий срок, и потому
Пусть по праву перейдет она
К наследнику прямому твоему.

 В заботливых руках прекрасный дом
Не дрогнет перед натиском зимы,
И никогда не воцарится в нем
Дыханье смерти, холода и тьмы.

 О, пусть, когда настанет твой конец,
Звучат слова: "Был у меня отец!"

Сонет 14

Умищев:

Сказать по правде, я не звездочёт.
Я в звёздах ни хера не понимаю.
Не предскажу по ним ни годовой отчет,
Ни будет ли мороз в начале мая.

То ж и в масштабах мира и войны –
Когда опять нагрянут басурмане?

Но, правда, с толкованием двойным
И звездочёт вас только лишь обманет!

А мне глаза твои заместо небосвода,
Я в них всё, что мне надобно прочту.
Ты мне подаришь продолженье рода,
Ты нам подаришь вечную мечту.

Друзья, вы жизнь свою потомками измерьте:
Ведь только это ваше вечное бессмертье!

Маршак:

Я не по звездам о судьбе гадаю,
И астрономия не скажет мне,
Какие звезды в небе к урожаю,
К чуме, пожару, голоду, войне.

Не знаю я, ненастье иль погоду
Сулит зимой и летом календарь,
И не могу судить по небосводу,
Какой счастливей будет государь.

Но вижу я в твоих глазах предвестье,
По неизменным звездам узнаю,
Что правда с красотой пребудут вместе,
Когда продлишь в потомках жизнь свою.

А если нет - под гробовой плитою
Исчезнет правда вместе с красотою.

Сонет 15

Умищев:

Представить только! В толк я не возьму,
Вся красота живет лишь краткий миг.
Нет, это недоступно моему уму,
Сознаюсь вам об этом напрямик...

Подвластна жизнь расположенью звёзд:
Весной цветенье, летом пир, а осенью закат,
И смерть – зимой... Обидно, блин, до слёз,
Как быстротечно жизнь ушла за кадр...

Но я тебя не зря всю жизнь искал.
Прекрасна, как апрельское цветенье.
«Как пули мчатся годы у виска»,
Но не подвластна ты ни времени, ни тленью!
Моя мечта, чтоб каждый стих мой непременно
Рождал тебя бы вновь Венерою из пены.

Маршак:

Когда подумаю, что миг единый
От увяданья отделяет рост,
Что этот мир - подмости, где картины
Сменяются под волхвованье звезд,
Что нас, как всходы нежные растений,
Растят и губят те же небеса,
Что смолоду в нас бродит сок весенний,
Но вянет наша сила и краса, -

О, как я дорожу твоей весною,
Твоей прекрасной юностью в цвету.
А время на тебя идет войною,
И день твой ясный гонит в темноту.
Но пусть мой стих, как острый нож садовый,
Твой век возобновит прививкой новой.

Сонет 16

Умищев:

Пойми, мой друг, теперь уж не до шуток!
О старости подумай, мать её!
Останешься один, и будет жуток
Твой путь, старик, один – в небытиё!
Ты многого достиг, а хули толку?
Ты перетрахал сотни разных баб,
Но потерял себя, ну, как в стогу иголку.
И с силою своей ты бесконечно слаб.
Ах, сколько юных дев – их всех не перечесть –
Объятых страстным сексуальным жженьем,
Отдать свою готовы были честь,
Чтобы твоё оставить миру отраженье!
А так уйдешь в полночный мрак бесследно,
И вскоре в памяти людей растает образ бледный.

Маршак:

Но если время нам грозит осадой,
То почему в расцвете сил своих
Не защитишь ты молодость оградой
Надежнее, чем мой бесплодный стих?
Вершины ты достиг пути земного,
И столько юных девственных сердец
Твой нежный облик повторить готовы,
Как не повторит кисть или резец.
Так жизнь исправит всё, что изувечит.
И если ты любви себя отдашь,
Она тебя верней увековечит,
Чем этот беглый, хрупкий карандаш.
Отдав себя, ты сохранишь навеки
Себя в созданье новом – в человеке.

Сонет 17

Умищев:

Кто мне поверит, будто ты и впрямь умён,
Что ты хорош и добр, как я о том пишу опять.
И что среди десятков тыщ имён
Один неповторим – от темечка до пят?..

Ну, напишу прекрасный твой портрет,
Эпитетами образ твой украшу,
А твой потомок скажет: «Это бред!»
И выбросит мой бранный труд в парашу.

С ухмылкой скажет: «Вот же мудозвон!
Ишь, научился врать, как сивый мерин.
Я ж помню мужика – он был всегда пижон,
Ленив и глуп, но как самоуверен!»

Но если бы остался от тебя сынок,
Он о тебе хорошее сказать бы смог.

Маршак:

Как мне уверить в доблестях твоих
Тех, до кого дойдет моя страница?
Но знает Бог, что этот скромный стих
Сказать не может больше, чем гробница.

Попробуй я оставить твой портрет,
Изобразить стихами взор чудесный, -
Потомок только скажет: «Лжет поэт,
Придав лицу земному свет небесный!»

И этот старый, пожелтевший лист
Отвергнет он, как болтуна седого,
Сказав небрежно: «Старый плут речист,
Да правды нет в его речах ни слова!»

Но, доживи твой сын до этих дней,
Ты жил бы в нем, как и в строфе моей.

Сонет 18

Умищев:

Твой лик прекрасен, как весенний день.
Нет! Он, пожалуй, чем-то даже лучше.
Ведь наша жизнь – сплошная мутотень,
А ты всегда, как будто солнца лучик.

Что летний день? Нагрянет непогода,
Дождина хлынет будто из ведра,
А ты всегда, в любое время года
Улыбчива, добра, щедра, бодр.

Стараюсь я, пишу тебе стихи,
Чтобы тебя восславить на века.
Но ты сама сильнее всех стихий –
И лучшего стиха ты лучшая строка...

Пока дышу, пока мой светел взор –
Ты для меня весь мир. Всё остальное – вздор!

Маршак:

Сравню ли с летним днем твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.
Ломает буря майские цветы,
И так недолговечно лето наше!

То нам слепит глаза небесный глаз,
То светлый лик скрывает непогода.
Ласкает, нежит и терзает нас
Своей случайной прихотью природа.

А у тебя не убывает день,
Не увядает солнечное лето.
И смертная тебя не скроет тень -
Ты будешь вечно жить в строках поэта.

Среди живых ты будешь до тех пор,
Доколе дышит грудь и видит взор.

Сонет 19

Умищев:

О ты, всепожирающее Время!
Всё, что ты делаешь – меня бросает в дрожь...
Всё, что угодно, ты твори со всеми,
Но друга юного, пожалуйста, не трожь.

Рви пасти львам, рви когти леопардам,
Рви зубы крокодилам и ломай быкам рога,
Рви бакенбарды всяким разным бардам,
Но друга моего от порчи берегай.

Люблю его глаза, ланиты, губы,
Но особенно – неземные ягодицы...
(Для вас звучит, быть может, это грубо,
Но жопою такую можно и гордиться!)

Я до него не знал, что страсти могут быть другие:
Я женщин лишь пронзал своим любовным кием.

Маршак:

Ты притуши, о время, когти льва,
Клыки из пасти леопарда рви,
В прах обрати земные существа
И феникса сожги в его крови.

Зимою, летом, осенью, весной
Сменяй улыбок слезы, плачем – смех.
Что хочешь делай с миром и со мной,
Один тебе я запрещаю грех.

Чело, ланиты друга моего
Не борозди тупым своим резцом.
Пускай черты прекрасные его
Для всех времен послужат образцом.

А коль тебе не жаль его ланит,
Мой стих его прекрасным сохранит!

Сонет 20

Умищев:

Прости меня, я, старый пидарас,
Глаз от тебя не в силах оторвать,
Хоть обещал уже себе – в последний раз:
Не лягу больше с мужиком в кровать!

Я жил всю жизнь, как чистый лесбиянец:
Девичьи любви мне ланиты, жопы, груди.
Я тискал баб, позвавши их на танец.
Путь до постели был всегда не труден.

Но от любви к тебе совсем ослаб...
Ты мне дороже женщины любой...
Я знаю, ты предпочитаешь баб,
Да и они несутся за тобой гурьбой.

Ну, что поделать... Только баб своих ебя,
Не забывай, что я люблю тебя!

Маршак:

Лик женщины, но строже, совершенней
Природы изваяло мастерство.
По-женски ты красив, но чужд измене,
Царь и царица сердца моего.

Твой нежный взор лишен игры лукавой,
Но золотит сияньем все вокруг.
Он мужествен и властью величавой
Друзей пленяет и разит подруг.

Тебя природа женщиною милой
Задумала, но, страстью пленена,
Она меня с тобою разлучила,
А женщин осчастливила она.

Пусть будет так. Но вот мое условие:
Люби меня, а их дари любовью.

Сонет 21

Умищев:

Я не соперник тем, кто попросту привык
Служить словцом пустяшным бабам-музам
(Тем музам нужен не поэт – «музЫк»,
Который до постели пригласит на ужин!)

А уж поэты эти, баб заговорив,
Поют одно и то же вновь и вновь.
И все в орнаментовке пошлых рифм,
Ну, скажем, типа там «любовь-морковь»

Я ж бабам мозги пудрить не привык:
Я не талдычу каждой, что она – богиня.
Но я бы вырвал грешный мой язык,
Коль та, единственная, вдруг меня покинет.

А баб своих хвалить я не умею даже:
Ведь хвалят то, что приготовлено к продаже!

Маршак:

Не соревнуюсь я с творцами од,
Которые раскрашенным богиням
В подарок преподносят небосвод
Со всей землей и океаном синим.

Пускай они для украшения строф
Твердят в стихах, между собою споря,
О звездах неба, о венках цветов,
О драгоценностях земли и моря.

В любви и в слове – правда мой закон,
И я пишу, что милая прекрасна,
Как все, кто смертной матерью рожден,
А не как солнце или месяц ясный.

Я не хочу хвалить любовь мою, -
Я никому ее не продаю!

Сонет 22

Умищев:

Сказать по правде, я уже старик:
Глаза не видят, глух, подагры бремя...
А лысина? Напялил бы парик,
Да не поймут, пожалуй, в нынешнее время.
Зато, когда смотрю я на тебя,
Я молодею, бля. И расцветает мир!
Хоть понимаю я, тебя ебя,
Что я веду себя, как истинный вампир.
Дружок, прошу, ты береги себя,
А я оберегу тебя от всяческих невзгод.
И постараюсь я, тебя любя,
Поменьше доставлять тебе забот.
Одна судьба у наших двух сердец:
Где твой конец, там, рядом – мой конец.

Маршак:

Лгут зеркала, - какой же я старик!
Я молодость твою делю с тобою.
Но если дни избородят твой лик,
Я буду знать, что побежден судьбою.
Как в зеркало, глядясь в твои черты,
Я самому себе кажусь моложе.
Мне молодое сердце даришь ты,
И я тебе свое вручаю тоже.
Старайся же себя оберегать -
Не для себя: хранишь ты сердце друга.
А я готов, как любящая мать,
Беречь твое от горя и недуга.
Одна судьба у наших двух сердец:
Замрет мое – и твоему конец!

Сонет 23

Умищев:

Что деется со мной, едрёна мать?
Я, как актер провинциальной сцены,
Слова стал на спектакле забывать,
Написанные гением бесценным...
А дело в том, что я, – захватывает дух! –
Люблю тебя любовью неземною.
Я в обществе твоём и нем, и глух,
Но никогда, поверь мне, не заную.
Пускай к тебе летят мои стихи –
Они тебе мою раскроют душу.
И хоть они спокойны и тихи.
Но твой покой, надеюсь, все ж нарушат.
Прочти немой любви моей укор:
Мной будешь небрегать до коих пор?

Маршак:

Как тот актер, который, оробев,
Теряет нить давно знакомой роли,
Как тот безумец, что, впадая в гнев,
В избытке сил теряет силу воли, -
Так я молчу, не зная, что сказать,
Не оттого, что сердце охладело.
Нет, на мои уста кладет печать
Моя любовь, которой нет предела.
Так пусть же книга говорит с тобой.
Пускай она, безмолвный мой ходатай,
Идет к тебе с признаньем и мольбой
И справедливой требует расплаты.
Прочтешь ли ты слова любви немой?
Услышишь ли глазами голос мой?

Сонет 24

Умищев:

Ну, блин, уж мне совсем покоя нет:
Твой образ просто не дает покоя.
Вот сел работать, а пишу сонет,
Сонет почти Шекспирова покроя.
Я как художник, облик твой слепил.
Осталось только в раму приспособить.
Меня портрет твой просто ослепил:
Я понял: без тебя я ничего не значу!
Мне от портрета глаз не оторвать.
Твои глаза, нет, не глаза – глазища!
А губы? Нос? А... Нет, едрёна мать!
Таких, как ты, всего одна на тыщу.
Глаза глазами... Только понял я давно,
Что сердце у тебя – совсем говно ...

Маршак:

Мой глаз гравером стал и образ твой
Запечатлел в моей груди правдиво.
С тех пор служу я рамою живой,
А лучшее в искусстве – перспектива.
Сквозь мастера смотри на мастерство,
Чтоб свой портрет увидеть в этой раме.
Та мастерская, что хранит его,
Застеклена любимыми глазами.
Мои глаза с твоими так дружны,
Моими я тебя в душе рисую.
Через твои с небесной вышины
Заглядывает солнце в мастерскую.
Увы, моим глазам через окно
Твое увидеть сердце не дано.

Сонет 25

Умищев:

Вот так всегда: кому-то честь и власть,
Бабло и бабы, в Думе депутатство,
А мне досталось – лишь ипачить всласть.
Но у меня, блин, есть свое богатство!

Пусть овладеет миром тот, кто жаден и беспутен,
Живет, теряя счет и долларам, и евро
Хозяин Челси – Абрамович, а России – Путин
Какая разница мне, где какая стерва?

Вот кто-то с нефтью всю Россию наебал,
А тот сидит безвинно за чужие прегрешенья.
Давно в России сатана уж правит бал.
Страна на грани страшного крушенья...

Вас это заебло... А я сижу, не охаю:
Люблю, любим и мне все это по хую!

Маршак:

Кто под звездой счастливою рожден -
Гордится славой, титулом и властью.
А я судьбой скромнее награжден,
И для меня любовь – источник счастья.

Под солнцем пышно листья распростер
Наперсник принца, ставленник вельможи.
Но гаснет солнца благосклонный взор,
И золотой подсолнух гаснет тоже.

Военачальник, баловень побед,
В бою последнем терпит поражение,
И всех его заслуг потерян след.
Его удел – опала и забвенья.

Но нет угрозы титулам моим
Пожизненным: любил, люблю, любим.

Сонет 26

Умищев:

О, Бог моей любви! Тебя молю
Помочь мне в этом деликатном деле:
Я кой-кого давно уже люблю,
Скрывая страсть в своем убогом теле.

Жизнь коротка, поэтому спешу
Я роль свою найти на этой сцене.
И может, тот, кому сонет пишу,
Слова и чувства по достоинству оценит.

Пока ж тропой неведомой бреду,
Живу на родине, как будто на чужбине...
Но может, даст Господь, я славу обрету
Наступит звездный час в моей судьбине.

Тогда ты скажешь мне: «Свою любовь открой!..»
... Ну, а пока не жизнь, а геморрой.

Маршак:

Покорный данник, верный королю,
Я, движимый почтительной любовью,
К тебе посольство письменное шлю,
Лишенное красот и острословья.

Я не нашел тебя достойных слов.
Но, если чувства верные оценишь,
Ты этих бедных и нагих послов
Своим воображением оденешь.

А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперед неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу придадут
Моей судьбе, безвестной и убогой.

Тогда любовь я покажу свою,
А до поры во тьме ее таю.

Сонет 27

Умищев:

Меня сегодня задолбали на работе...
А этот трафик?.. Чуть добрался до постели.
И вот лежу, как голова на эшафоте,
Которую отсечь пока что не успели.

Опять – наверное, в миллионный раз –
В мечтах своих влекусь, как псих, психуя,
Улыбку вижу, вижу чары глаз...
Но мне бы выспаться... Ну, так какого хуя?

Вот и сейчас, простынку теребя,
Я задаю вопрос своей судьбе:
Что я люблю? Люблю ли я тебя
Или люблю свою любовь к тебе?

Пора решить... Иначе день и ночь
Мне воду в ступе суждено толочь.

Маршак:

Трудами изнурен, хочу уснуть,
Блаженный отдых обрести в постели.
Но только лягу, вновь пускаюсь в путь -
В своих мечтах – к одной и той же цели.

Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима,
И, не смыкая утомленных глаз,
Я вижу тьму, что и слепому зрима.

Усердным взором сердца и ума
Во тьме тебя ищу, лишенный зренья.
И кажется великолепной тьма,
Когда в нее тыходишь светлой тенью.

Мне от любви покоя не найти.

И днем и ночьюю – я всегда в пути.

Сонет 28

Умищев:

Увы, покой нам, братцы, только снится!
Намаешься, как вол, в течение дня...
А мне, к тому же, вообще не спится...
Такая вот планида у меня!

Весь день верчусь, как белка в колесе,
Тружусь, не покладая рук (и ног!).
Вот ночь... И мне уснуть бы, как и все,
Ан нет! Заснуть опять никак не смог.

Мне в полудрёме твой явился лик,
Из глаз твоих потоки света льются...

Я мысленно к губам твоим приник...
Но тут очнулся от ночной поллюции!

Так и живу, лишь думая о ней.

И ночь моя день ото дня темней...

Маршак:

Как я могу усталость превозмочь,
Когда лишен я благости покоя?
Тревоги дня не облегчает ночь,
А ночь, как день, томит меня тоскою.

И день, и ночь - враги между собой -
Как будто подают друг другу руки.
Тружусь я днем, отвергнутый судьбой,
А по ночам не сплю, грустя в разлуке.

Чтобы к себе расположить рассвет,
Я сравнивал с тобою день погожий
И смуглой ночи посылал привет,
Сказав, что звезды на тебя похожи.

Но все трудней мой следующий день,
И все темней грядущей ночи тень.

Сонет 29

Умищев:

Затрахала судьба... Не мил мне белый свет!
Хоть общего везенья своего не умаляю,
Но всё же, Господи, от всех текущих бед
Убереги меня, тебя я умоляю!

Конечно, есть на свете фанфароны,
С кем я б махнулся судьбами бездумно:
Генсеки, президенты, фараоны,
Иль «депутат в законе» в русской Думе.

Но если за бабло и за успех
Я от тебя отречься должен буду,
То на хер я пошлю подальше всех,
Быть может, окромя Христа и Будды...

С твоей любовью я силен, как бог!

А без нее – обычный самый лох...

Маршак:

Когда в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодную мольбой
Глухой и равнодушный небосвод

И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим, -

Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушье жалкое кляню,
И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несется в вышину.

С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильней.

Сонет 30

Умищев:

Старею, блин... И не видать ни зги –
Лишь мрак, как будто бы у негра в жопе.
Воспоминанья задолбали мне мозги,
Грущу, как Одиссей по Пенелопе.

Я вспоминаю, кто ушел, а кто далече,
Я вспоминаю лица тех, кто жив...
Но те, кто жив, тех до смерти залечат,
Больничною заботой окружив.

Я вопрошаю дней минувших череду:
Куда ведет духовный мой астрал?
Откуда я пришёл? Кто я? Куда иду?
Ах, сколько в этой жизни я просрал!..

Но рядом ты! И может, хватит охать?
Кому щас хорошо? Всем нынче очень плохо.

Маршак:

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса бывшего, -
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила,
Ищу любовь погибшую мою
И все, что в жизни мне казалось мило.

Веду я счет потерянному мной
И ужасаюсь вновь потере каждой,
И вновь плачу я дорогой ценой
За то, за что платил уже однажды.

Но прошлое я нахожу в тебе
И все готов простить своей судьбе.

Сонет 31

Умищев:

Мне кажется, что крыша едет у меня:
Что всё вокруг – лишь мир галлюцинаций.
Бесплотных теней сонмы семян,
И ценности бывлые начинают уценяться.

Мои друзья, рыдал у чьих могил,
Мои враги, чьей упивался я бедой,
Любимые, которых не любил ...
Проходят лица предо мною чередой.

Всё это вижу я, когда сейчас гляжу
В бездонных глаз твоих манящий омут.
И мне теперь уж не до куражу.
И весь подлунный мир я вижу по-другому.
Но хоть в глазах твоих я вижу всех,
Лишь ты была исток моих утех.

Маршак:

В твоей груди я слышу все сердца,
Что я считал сокрытыми в могилах.
В чертах прекрасных твоего лица
Есть отблеск лиц, когда-то сердцу милых.

Немало я над ними пролил слез,
Склоняясь ниц у камня гробового.
Но, видно, рок на время их унес -
И вот теперь встречаемся мы снова.

В тебе нашли последний свой приют
Мне близкие и памятные лица,
И все тебе с поклоном отдают
Моей любви растроченной частицы.
Всех дорогих в тебе я нахожу

И весь тебе - им всем - принадлежу.
Лишь ты была исток моих утех.

Сонет 32

Умищев:

Коли из нас двоих я тапочки откину первым –
Ведь по сравнению с тобой я старый ящер –
Над гробом не рыдай и не расходуя нервы,
Ведь рано или поздно, все сыграем в ящик!

Сравни меня и недорослей этих,
Что на мои поминки прутся на халяву,
Не правда ли, я лучше всех на свете?
И я тебя имел ли не по праву?

И ты подумаешь: «Вот был, а больше нету...
Ах, был бы он со мной! Как он любить умел!
Какие чудные писал мне оды и сонеты!
И в сложных ситуациях был смел».

Нашла во мне ты сказочного принца,
А эти сопляки не стоят твоего мизинца!

Маршак:

О, если ты тот день переживешь,
Когда меня накроет смерть доскою,
И эти строчки бегло перечтешь,
Написанные дружеской рукою, -
Сравнишь ли ты меня и молодежь?
Ее искусство выше будет вдвое.
Но пусть я буду по-милу хорош
Тем, что при жизни полон был тобою.

Ведь если бы я не отстал в пути, -
С растущим веком мог бы я расти
И лучшие принес бы посвященья
Среди певцов иного поколения.

Но так как с мертвым спор ведут они,
Во мне любовь, в них мастерство ценя!

Сонет 33

Умищев:

Ласкаем солнцем, расцветает мир.
Щебечет птичка, цзенькает букашка,
И торжествует всюду духа пир!
И в небе солнце, как огромная ромашка...
Но все кончается... Уходит и пир духа...
Синцовой тучей небо затянуло, блин.
И началась обычная пердуха:
Дождит, сквозит, и угнетает сплин.
Так и со мной: найду себе девицу,
Чтоб подходила по фигуре и по классу,
Но не успею ею надивиться –
Она уже к другому жметя ловеласу.
Но, в принципе, так, может быть, и лучше:
Как солнце оценить, коль не было бы тучи?

Маршак:

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.
Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым тронном.
Они ползут над миром омраченным,
Лишняя землю царственных щедрот.
Так солнышко мое возшло на час,
Меня дарами щедро осыпая.
Подкралась туча хмурая, слепая,
И нежный свет любви моей угас.
Но не ропщу я на печальный жребий -
Бывают тучи на земле, как в небе.

Сонет 34

Умищев:

Ну, этот грёбаный прогноз погоды!
Поверил им, и вышел без плаща.
И вот те на! Небес разверзлись своды
Дождем и градом по башке хлыща.

Потом, конечно, солнце засветило,
Но я-то весь до ниточки промок!
Вот также я, доверился тебе, мудила,
Но от измены удержать тебя не смог.

Твоя печаль меня не радует нисколько,
Не утешает взор твой покаянный вид.
Что, блядь, гульнула с Петькой или с Колькой?
Забыл я, кто там больше блядовит?

Но вот ты, наконец, слезу пустила,
Я сдался... Что поделать? Слёзы – бабья сила!

Маршак:

Блистательный мне был обещан день,
И без плаща я свой покинул дом.
Но облаков меня догнала тень,
Настигла буря с градом и дождем.

Пускай потом, пробившись из-за туч,
Коснулся нежно моего чела,
Избитого дождем, твой кроткий луч, -
Ты исцелить мне раны не могла.

Меня не радует твоя печаль,
Раскаянье твое не веселит.
Сочувствие обидчика едва ль
Залечит язвы жгучие обид.

Но слез твоих, жемчужных слез ручьи,
Как ливень, смыли все грехи твои!

Сонет 35

Умищев:

Кончай юродствовать! Ну, кто не без греха?
На солнце, говорят, и то есть пятна
Но только из меня не делай ты лоха,
Не пудри мне мозги... Я говорю понятно?
Все мужики грешат, и я, как все, грешу.
Коль не грешил, как я б тебя прощал?
Но все ж на будущее я тебя прошу:
Греши, но так, чтоб я о том не знал.
Я знаю, дорогой, ты слаб на баб,
И ласк моих тебе, конечно, мало.
Но ни одна из них ведь не смогла б
Дать то тебе, что между нас бывало!
Я знаю, с кем ты блядовал, плутишка!
Прощаю... Но не увлекайся слишком!

Маршак:

Ты не грусти, сознав свою вину.
Нет розы без шипов; чистейший ключ
Мутят песчинки; солнце и луну
Скрывает тень затмения или туч.
Мы все грешны, и я не меньше всех
Грешу в любой из этих горьких строк,
Сравненьями оправдывая грех,
Прощая незаконно твой порок.
Защитником я прихожу на суд,
Чтобы служить враждебной стороне.
Моя любовь и ненависть ведут
Войну междоусобную во мне.
Хоть ты меня ограбил, милый вор,
Но я делю твой грех и приговор.

Сонет 36

Умищев:

Известно испокон: у пары геев
Есть два конца ... одной и той же нити.
И чтобы гей достиг бы апогея,
Вы за конец его тихонько потяните.

Да, нас с тобой связала жизни нить,
И нам плевать на толки-перетолки.

Мы ничего не в силах изменить –
Без нитки нету пользы от иголки

Да, мы с тобою узники молвы,
Не смеем друг на друга бросить взор
И говорим при людях мы на «вь»
Иначе ждет бесчестье и позор.

Да, это братцы, надо понимать.

Как трудно геям жить, ебёна мать!

Маршак:

Признаюсь я, что двое мы с тобой,
Хотя в любви мы существо одно.
Я не хочу, чтоб мой порок любой
На честь твою ложился, как пятно.

Пусть нас в любви одна связует нить,
Но в жизни горечь разная у нас.
Она любовь не может изменить,
Но у любви крадет за часом час.

Как осужденный, права я лишен
Тебя при всех открыто узнавать,
И ты принять не можешь мой поклон,
Чтоб не легла на честь твою печать.

Ну что ж, пускай!.. Я так тебя люблю.

Что весь я твой и честь твою делю!

Сонет 37

Умищев:

Наверное, приятно средь детей и внуков
Встречать свои последние денёчки,
Когда твою слабеющую руку
Поглаживают ласковые дочки...

А я тобой живу – твоею силой,
Умом твоим и знатностью твоею...

Судьба меня любовью одарила,
И я перед тобой благоговею...

И пусть наперечёт мои деньки.
За молодость и жизнь иную я бы, бля!
Не дал бы даже ломаной денюжки!
(За что другим не жалко и рубля.)

Тобою жил, живу и буду жить!
И нехера о старости тужить!

Маршак:

Как радует отца на склоне дней
Наследников отвага молодая,
Так правдою и славою твоей
Любуюсь я, бесславно увядая.

Великодушье, знатность, красота,
И острый ум, и сила, и здоровье -
Едва ль не каждая твоя черта
Передается мне с твоей любовью.

Не беден я, не слаб, не одинок,
И тень любви, что на меня ложится,
Таких щедрот несет с собой поток,
Что я живу одной ее частицей.

Все, что тебе могу я пожелать,
Нисходит от тебя как благодать.

Сонет 38

Умищев:

Представить только! Все о бабах стонут,
Что будто бы они – создания венец.
По мне же – отгрузи их даже тонны,
Мне все ж милей алмазный твой конец!

Готов тебя я славить непрестанно.
И если я ваще чего-то стою,
То – повторять я это не устану –
Лишь потому, что я любви твоей достоин.

Мы знаем, муз всего на свете девять.
Но ты не Муза, ты у нас Мужик.
Я без стыда отказываю деве –
К иной любви я сызмальства привык.

Любить иных – тяжелый крест,
А ты мой вечный благовест.

Маршак:

Неужто музе не хватает темы,
Когда ты можешь столько подарить
Чудесных дум, которые не все мы
Достойны на бумаге повторить.

И если я порой чего-то стою,
Благодари себя же самого.
Тот поражен душевной немотою,
Кто в честь твою не скажет ничего.

Для нас ты будешь музою десятой
И в десять раз прекрасней остальных,
Чтобы стихи, рожденные когда-то,
Мог пережить тобой внушенный стих.

Пусть будущие славят поколенья
Нас за труды, тебя - за вдохновенье.

Сонет 39

Умищев:

Хвалить тебя почти что неприлично,
Ведь мы с тобою целое одно.
Ведь ты и я – одна и та же личность,
Хотя и есть здесь кой-какое «но».

Нас все же для того на свете двое,
Чтоб я смог оценить твою красу.
Когда тебя не вижу – волком вою
По вечерам в пустом людском лесу...

Не зная холода, тепла не оценить.
Разлука редкая нужна – она понять даёт.
Как неразрывна нашей жизни нить,
А потому не страшен времени полёт.

И часто, вдалеке, кого-нибудь ебя,
Я непрестанно думаю: «Как я люблю тебя!»

Маршак:

О, как тебе хвалу я воспою,
Когда с тобой одно мы существо?
Нельзя же славить красоту свою,
Нельзя хвалить себя же самого.

Затем-то мы и существуем врозь,
Чтоб оценил я прелесть красоты,
И чтоб тебе услышать довелось
Хвалу, которой стоишь только ты.

Разлука тяжела нам, как недуг,
Но временами одинокий путь
Счастливейшим мечтам дает досуг
И позволяет время обмануть.

Разлука сердце делит пополам,
Чтоб славить друга легче было нам.

Сонет 40

Умищев:

Нет в жизни у меня любви иной.
Мне бабы все, клянусь, по барабану.
Но то, что изменил ты мне с моей женой –
Вот, что меня долбает непрестанно!
Подумаешь – мне подложил свинью,
И невзначай с моей девицей лёг...
Пойми, тебя не в этом я виню,
А в том, что мною после пренебрёг.
Ты ж, блин, считай, ограбил бедняка!
Мне жизнь – не жизнь, коль будем мы поврозь.
Твои измены мне прощу наверняка,
Но только навсегда меня не брось!
 Не уходи! Я сделаю тебе минет
 И напишу прекраснейший сонет.

Маршак:

Все страсти, все любви мои возьми,
От этого приобретешь ты мало.
Все, что любовью названо людьми,
И без того тебе принадлежало.
Тебе, мой друг, не ставлю я в вину,
Что ты владеешь тем, чем я владею.
Нет, я в одном тебя лишь упрекну,
Что пренебрег любовью ты моею.
Ты нищего лишил его сумы.
Но я простил пленительного вора.
Любви обиды переносим мы
Трудней, чем яд открытого раздора.
 О ты, чье зло мне кажется добром.
 Убей меня, но мне не будь врагом!

Сонет 41

Умищев:

Ну, ты, козёл, меня не уважаешь!
Наносишь мне, не думая, удары...
Публично ты меня с говном мешаешь...
Привык, что все тебе дается даром!
Ты молод и весьма хорош собой,
Тебе все льстят, тебе все жопу лизнут,
Девицы стелятся буквально пред тобой...
И я был твой... И кто же мог быть ближе?

Я ведал, что моя подружка блядь,
Но оказался блядью ты к тому же:
Нельзя же всё вот так усугублять,
Одновременно трахая жену и мужа.
Ты совершил, подлюга, грех двойной:
Меня ты кинул... С кем? С моей женой!

Маршак:

Беспечные обиды юных лет,
Что ты наносишь мне, не зная сам,
Когда меня в твоём сознании нет, -
К лицу твоим летам, твоим чертам.
Приветливый, - ты лестью окружен,
Хорош собой, - соблазну ты открыт.
А перед лаской искушенных жен
Сын женщины едва ли устоит.
Но жалко, что в избытке юных сил
Меня не обошел ты стороной
И тех сердечных уз не пощадил,
Где должен был нарушить долг двойной.
Неверную своей красой пленя,
Ты дважды правду отнял у меня.

Сонет 42

Умищев:

Мужской любовью ты, падла, пренебрёг.
И с кем? С моею же любовницей-подругой!
Ну, хорошо, ты с ней, лахудрой, лёг,
Но мы ж могли при том любить друг друга?

Не только ты ее любовь ко мне разрушил,
Она, влюбив тебя, ограбила меня,
Она твое украла сердце, тело, душу,
Лишив тебя ко мне страстей огня!

Я потерял не только эту потаскуху,
Я потерял тебя, мой милый друг!
Вот наградил Господь – непруха за непрухой...:
Осталась горечь, мрак тоски вокруг.

Пронзил меня до самого нутра ты.
Как пережить мне горечь сей утраты?..

Маршак:

Полгоря в том, что ты владеешь ею,
Но сознавать и видеть, что она
Тобой владеет, - вдвое мне больнее.
Твоей любви утрата мне страшна.

Я сам для вас придумал оправданье:
Любя меня, ее ты полюбил.
А милая тебе дарит свиданья
За то, что мне ты бесконечно мил.

И если мне терять необходимо, -
Свои потери вам я отдаю:
Ее любовь нашел мой друг любимый,
Любимая нашла любовь твою.

Но если друг и я - одно и то же,
То я, как прежде, ей всего дороже...

Сонет 43

Умищев:

Не плачут ли по мне уже врачи?
Сомнамбулой хожу весь день-деньской
А только лягу спать – ко мне в ночи
Является, как призрак, образ твой.

И будто погружаюсь в ясный день я,
И светлые потоки с неба льются.
Но всё ж, скажу, что эти сновиденья
Лишь вызывают у меня поток поллюций.

А как бы хорошо – проснуться поутру
И увидеть тебя лежащей рядом!
Вот это было бы по моему нутру!
Не то, что созерцать тебя дремотным взглядом...

День без тебя темнее тёмной ночи.

А ночью без тебя мне пусто, грустно очень...

Маршак:

Смежая веки, вижу я острей.
Открыв глаза, гляжу, не замечая,
Но светел темный взгляд моих очей,
Когда во сне к тебе их обращаю.

И если так светла ночная тень -
Твоей неясной тени отраженье, -
То как велик твой свет в лучистый день,
Насколько явь светлее сновиденья!

Каким бы счастьем было для меня -
Проснувшись утром, увидеть воочью
Тот ясный лик в лучах живого дня,
Что мне светил туманно мертвой ночью.

День без тебя казался ночью мне,

А день я видел по ночам во сне.

Сонет 44

Умищев:

Вот было б круто – обратиться в мысль,
Не быть рабом бессмысленного тела!
Тогда б я смог в момент умчаться ввысь
И получить всё то, чего б ни захотелось.

Тогда б хоть через тридевять земель
Тебя б настиг я в миг, и были бы мы вместе.
Ты б удивлённо вскрикнула: «Откель?»
И отдалась бы мне на этом самом месте.

Но это только «бы» да «бы», мечты...
А в жизни получается иначе:
Я – здесь, но далеко отсюда ты,
Возможно, с мужиком своим на даче...
Придётся, видимо, найти другую бабу.
Которая мне здесь, где я, дала бы...

Маршак:

Когда бы мыслью стала эта плоть, -
О, как легко, наперекор судьбе,
Я мог бы расстоянье побороть
И в тот же миг перенестись к тебе.

Будь я в любой из отдаленных стран,
Я миновал бы тридевять земель.
Пересекают мысли океан
С той быстротой, с какой наметят цель.

Пушкой моя душа - огонь и дух,
Но за мечтой, родившейся в мозгу,
Я, созданный из элементов двух -
Земли с водой, - утнаться не могу.

Земля, - к земле навеки я прирос,
Вода, - я лью потоки горьких слез.

Сонет 45

Умищев:

Огонь и воздух – эти две стихии
Меня переполняют до краёв:
Огонь – то мои желания лихие,
А воздух – что я думаю о нём.
Сгораю весь от охрененного желанья,
Все помыслы мои полны тобой.
В голубизну небес вознёс я длани,
Моля: «Прииди, Ангел Голубой...»
Когда моих ушей касается молва,
Что ты здоров и помнишь про меня,
То душу полнят добрые слова,
И воздух мысли задувает жар огня
 Но только лишь затихло вести слово,
 Мой жар желаний возгорает с силой новой.

Маршак:

Другие две основы мироздания -
Огонь и воздух - более легки.
Дыханье мысли и огонь желанья
Я шлю к тебе, пространству вопреки.
Когда они - две вольные стихии -
К тебе любви посольством улетят,
Со мною остаются остальные
И тяжестью мне душу тяготят.
Тоскую я, лишенный равновесья,
Пока стихии духа и огня
Ко мне обратно не примчатся с вестью,
Что друг здоров и помнит про меня.
 Как счастлив я!.. Но вновь через мгновенье
 Летят к тебе и мысли и стремленья.

Сонет 46

Умищев:

Глаза и сердце у меня в смертельной драке:
Глазами жадно пожираю плоть твою,
А сердце будто видит солнца луч во мрак.
Вот так они без устали воюют.

Поди тут разбери, кто прав, а кто не прав.
Холодным разумом воспринятая личность
Иль, логику и разум – всё поправ,
Туманным взором оцененная наличность?

И тут ко мне приходит мысль простая.
Пошевелить мозгами поспеши,
Что для тебя важней: от похоти растаять
Или постичь сокровища души?

Вопросом тем ты подошел к ответу близко:
Сам выбирай, банан или сосиску.

Маршак:

Мой глаз и сердце - издавна в борьбе:
Они тебя не могут поделить.

Мой глаз твой образ требует себе,
А сердце в сердце хочет угаить.

Клянется сердце верное, что ты
Невидимо для глаз хранишься в нем.

А глаз уверен, что твои черты
Хранит он в чистом зеркале своем.

Чтоб рассудить междоусобный спор,
Собрались мысли за столом суда
И помирить решили ясный взор
И дорогое сердце навсегда.

Они на части разделили клад,
Доверив сердце сердцу, взгляду - взгляду.

Сонет 47

Умищев:

Глаза мои и сердце в мире добром:
Как только сердце загрустит в печали,
Глаза мои тут заморгают бодро
И образ твой – как яхта на причале!
 А стоит им, глазам, тебя узреть,
Как сердце начинает колотиться.
Наверно так, почувствовавши плеть,
Во весь опор несётся кобылица.
 Твой образ голубой в моем воображении,
А сердце переполнено любовью
И начинается крови брожение
От мыслей сладостных балдею вновь и вновь я
 Но важно в умиление не обмериться,
 А то ведь будет ни уму, ни сердцу.

Маршак:

У сердца с глазом - тайный договор:
Они друг другу облегчают муки,
Когда тебя напрасно ищет взор. И сердце задыхается в разлуке.
 Твоим изображеньем зоркий глаз
Дает и сердцу любоваться вволю.
А сердце глазу в свой урочный час
Мечты любовной уступает долю.
 Так в помыслах моих иль во плоти
Ты предо мной в мгновение любое.
Не дальше мысли можешь ты уйти.
Я неразлучен с ней, она - с тобою.
 Мой взор тебя рисует и во сне
 И будит сердце, спящее во мне.

Сонет 48

Умищев:

В командировку еду по делам.
Квартиру запер, спрятал документы.
Да и кому весь нужен этот хлам?
К тому ж нас охраняют наши менты...
 Как мне еще бы и тебя сберечь?
Ту, что дороже серебра и злата?
Как мне тебя в себя влюбить, сиречь,
Что сделать, чтобы не сбежала от козла ты?
 Конечно, можно запереть тебя в сундук,
Оставив только щёлочки отдушин.
Но хули толку... Ведь страшней всех мук
Не тело потерять своё, а душу!
 О, ты прекрасна! Я ж, подобие Кощея,
 Над золотом чахнувший, кукожусь и тощею...

Маршак:

Заботливо готовясь в дальний путь,
Я безделушки запер на замок,
Чтоб на мое богатство посягнуть
Незванный гость какой-нибудь не мог.
 А ты, кого мне больше жизни жаль,
Пред кем и золото - блестящий сор,
Моя утеха и моя печаль,
Тебя любой похитить может вор.
 В каком ларце таить мне божество,
Чтоб сохранить навеки взаперти?
Где, как не в тайне сердца моего,
Откуда ты всегда вольна уйти.
 Боюсь, и там нельзя укрыть алмаз,
 Приманчивый для самых честных глаз!

Сонет 49

Умищев:

Кажись, изблядовался я вконец!
Боюсь, увидишь скоро, кто я есть,
Объявишь всем, что я козёл, подлец,
Кому ты отдала и молодость, и честь.
И если встретимся на улице случайно,
Твои глаза пронзят меня, паскуду...
Но все ж прекрасна ты необычайно!
Нет, не лукавлю и не вру я... Сукой буду!
Да, понял я, какое я говно,
Что я мизинца твоего не стою:
Да, начал изменять тебе давно...
Но все казалось шалостью простою.
Но что поделаешь с натурой кобелиной?
Ум короток, зато конец мой длинный!

Маршак:

В тот черный день (пусть он минует нас!),
Когда увидишь все мои пороки,
Когда терпенья истощишь запас
И мне объявишь приговор жестокий,
Когда, со мной сойдясь в толпе людской,
Меня едва подаришь взглядом ясным,
И я увижу холод и покой
В твоём лице, по-прежнему прекрасном,
В тот день поможет горю моему
Сознание, что я тебя не стою,
И руку я в присяге подниму,
Все оправдав своей неправотою.
Меня оставить вправе ты, мой друг,
А у меня для счастья нет заслуг.

Сонет 50

Умищев:

Ну, что ж – сам виноват! Допрыгался, козёл...
За всё мы платим рано или поздно.
Что толку от того, что на себя я зол?
Живу теперь, как в немощи гриппозной...
Я еду от нее, в смятенье, чуть не плача,
Как смог я вечную любовь свою просрать?
Мой конь бредет уныло, будто кляча,
Так едут только с рати, не на рать...
Я думаю себе: «Едрёна вошь!
Чего тебе, козлина, не хватало?
Потерянного счастья не вернёшь...»
Так думаю, понуро и устало.
Но что стенать! Я знаю: всё равно
Уж счастье – позади, а впереди – говно...

Маршак:

Как тяжело мне, в пути взметая пыль,
Не ожидая дальше ничего,
Отсчитывать уныло, сколько миль
Отъехал я от счастья своего.
Усталый конь, забыв былую прыть,
Едва трусит лениво подо мной, -
Как будто знает: незачем спешить
Тому, кто разлучен с душой родной.
Хозяйских шпор не слушается он
И только ржаньем шлет мне свой укор.
Меня больнее ранит этот стон,
Чем бедного коня - удары шпор.
Я думаю, с тоскою глядя вдаль:
За мною - радость, впереди - печаль.

Сонет 51

Умищев:

Припомнился мне конь, мой верный друг,
Который плёлся, будто черепаха,
Когда я покидал одну из тех подруг,
Которая меня, козла, послала на хуй...

Но вдруг она обратно позовёт меня,
Припомнив сексуальный мой талант?
Я что есть мочи погоню коня.

Не подведи меня, любимый Росинант!

Я знаю, что мой конь воистину хорош,
Но я спешу и нажимаю шпорами на газ:
«Ведь ты не конь в пальто, едрёна вошь!
Неси меня на крыльях, как Пегас!»

Он мчит, а я ему вонзаю шпоры в бок —
Ведь лучше выдумать не смог...

Маршак:

Так я оправдывал несносный нрав
Упрямого, ленивого коня,
Который был в своем упрямстве прав,
Когда в изгнание шагом вез меня.

Но будет непростительным грехом,
Коль он обратно так же повезет.

Да поскачи на вихре я верхом,
Я думал бы: как тихо он ползет!

Желанья не догонит лучший конь,
Когда оно со ржаньем мчится вскачь.

Оно легко несется, как огонь,

И говорит ленивейшей из кляч:

- Ты, бедная, шажком себе иди,

А я помчусь на крыльях впереди!

Сонет 52

Умищев:

Я – Абрамович. Все мне по плечу:
Хочу – куплю и «Челси», и «Спартак»
Куплю саму Рассею, если захочу ...
Но только на хер? Там такой бардак...

Мы любим праздники ведь только потому,
Что их, блин, надо долго-долго ждать.
А был бы праздник каждый день в дому –
Не знали б мы, куда себя девать.

Так то, что я тебя не вижу каждый день –
Мне возбуждает похотливый аппетит.
Ведь каждый день мне было б просто лень,
А через день – аж каждая струна звенит!

Когда я голоден – молю я Господа о хлебе.

Когда же ты со мной – я на седьмом витаю небе!

Маршак:

Как богачу, доступно мне в любое
Мгновение соковище мое.
Но знаю я, что хрупко острие
Минут счастливых, данных мне судьбою.

Нам праздники, столь редкие в году,
Несут с собой тем большее веселье.
И редко расположены в ряду
Других камней алмазы ожерелья.

Пушкай скрывает время, как ларец,
Тебя, мой друг, венец мой драгоценный,
Но счастлив я, когда алмаз свой пленный
Оно освобождает, наконец.

Ты мне даришь и торжество свиданья,
И трепетную радость ожиданья.

Сонет 53

Умищев:

Ебёнтъ, откуда только взялся ты?
От каждого есть тень, а от тебя мулльён!
И что ни тень – то новые мечты,
В тень каждую твою я так влюблён!
Ты помнишь, был античный – Адонис?
Он по сравнению с тобой обычная дешёвка.
(Все падали пред ним, кто слаб на низ,
Всех, и парней, и дев окучивал он ловко!)
Тобой полны мои ночные сны:
Твой облик душу тербит мне очень;
В тебе одновременно и восторг весны,
И щедрая плодами золотая осень.
Прекрасен ты от глаз до ягодщ.
Я пред тобой готов склониться ниц...

Маршак:

Какою ты стихией порожден?
Все по одной отбрасывают тени,
А за тобою вьется миллион
Твоих теней, подобий, отражений.
Вообразим Адониса портрет, -
С тобой он схож, как слепок твой дешевый.
Елене в древности дивился свет.
Ты - древнего искусства образ новый.
Невинную весну и зрелый год
Хранит твой облик, внутренний и внешний:
Как время жатвы, полон ты щедрот,
А видом день напоминаешь вешний.
Все, что прекрасно, мы зовем твоим.
Но с чем же сердце верное сравним?

Сонет 54

Умищев:

Все, что прекрасно без фальшивой лести,
Заслуживает пары добрых слов.

Попробуйте, в соседский сад залезьте,
Увидите там уйму сказочных цветов!

Есть не цветы, а просто будничная проза:
Казалось, те ж лепестки, и листья, и стебли...
Но всех цветов прекрасней все же роза,
Которую еще ни разу не ебли.

Цветы обычные цветут и отцветут,
Свой смрад гниенья источая неуклонно.
А розы... Лепестки свои сдадут и тут
Для производства лучшего одеколона.

Так образ твой не ярк стал и стих,
Но он живет, доколе есть мой стих!

Маршак:

Прекрасное прекрасней во сто крат,
Увенчанное правдой драгоценной.
Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно.

Пусть у цветов, где свил гнездо порок,
И стебель, и шипы, и листья те же,
И так же пурпур лепестков глубок,
И тот же венчик, что у розы свежей, -

Они цветут, не радуя сердец,
И вянут, отравляя нам дыханье.

А у душистых роз иной конец:
Их душу перельют в благоуханье.

Когда погаснет блеск очей твоих,
Вся прелесть правды перельется в стих.

Сонет 55

Умищев:

В пыль превращен кладбищенский гранит,
И монумент не виден под патиной...
А стих мой свежесть мыслей сохранит
И не покроется тлетворной паутиной.

Пусть разрушают войны всё подряд,
Пусть старый мир клянут с броневика.
Но рукописи, блин, всё ж не горят,
А значит, образ твой переживёт века.

Пусть мир погряз в тенётах зла и блуда,
Ты будешь жить в моих стихах всегда,
Жизнь человечья теплится покуда...
Ты доживешь до Божьего Суда!

И хоть натура человека так увечна,
Любовь твоя пребудет в мире вечно!

Маршак:

Замшелый мрамор царственных могил
Исчезнет раньше этих веских слов,
В которых я твой образ сохранил.
К ним не пристанет пыль и грязь веков.

Пусть опрокинет статуи война,
Мятеж развеет каменщиков труд,
Но врезанные в память письма
Бегущие столетья не сотрут.

Ни смерть не увлечет тебя на дно,
Ни темного забвения вражда.
Тебе с потомством дальним суждено,
Мир износив, увидеть день суда.

Итак, до пробуждения живи
В стихах, в сердцах, исполненных любви!

Сонет 56

Лука Умищев:

Ну, ты меня, подружка, заебала!
Но ведь давно известно нам с тобой:
Вот отдышусь – вновь опущу забрало
И вновь начну с тобой любовный бой.
Ведь как бы не ломился стол от яств,
Нажравшись до отвала, тот же люд
Назавтра после всех делов и блядств
Опять запросит есть. Он ж не верблюд!
Так и любовь: коль я немножечко остыл,
Не думай, что любовь моя ушла.
Вот отдохну, и вновь проснётся пыл
У вечно похотливого козла!
Не потому ль весна нам дорога,
Что лишь вчера долбали нас снега?

Маршак:

Проснись, любовь! Твое ли острие
Тупей, чем жало голода и жажды?
Как ни обильны яства и питье,
Нельзя навек насытиться однажды.
Так и любовь. Ее голодный взгляд
Сегодня утолён до утомленья,
А завтра снова ты огнем объят,
Рожденным для горенья, а не тленья.
Чтобы любовь была нам дорога,
Пусть океаном будет час разлуки,
Пусть двое, выходя на берега,
Один к другому простирают руки.
Пусть зимней стужей будет этот час,
Чтобы весна теплей пригрела нас!

Сонет 57

Умищев:

Я – верный твой слуга. А в чем слуги задача?
Безмолвно ждать... И коль придет успех,
Ловить его, ловить судьбы удачу
И жить подачками твоей любви утех.

Нет, я не жалуясь, я твой покорный раб.
Я рад тому, что я с тобою рядом.
И был бы я счастливейшим, когда б
Меня дарила ты своим любовным взглядом.

Меня, конечно, мучат подозренья.
В твоих изменах... Но гоню их прочь.

Я сам порой гуляю без зазренья...
Я сукин сын! Но ты ж не сучья дочь?

Любовь нас делает глупцами: ты, блядуя,
Живешь, а я, слепец, живу и в ус не дую!

Маршак:

Для верных слуг нет ничего другого,
Как ожидать у двери госпожу.
Так, прихотям твоим служить готовый,
Я в ожиданье время провожу.

Я про себя бранить не смею скуку,
За стрелками часов твоих следя.
Не проклиная горькую разлуку,
За дверь твою по знаку выходя.

Не позволяю помыслам ревнивым
Переступить заветный твой порог,
И, бедный раб, считаю я счастливым
Того, кто час побыть с тобою мог.

Что хочешь делай. Я лишился зренья,
И нет во мне ни тени подозренья.

Сонет 58

Умищев:

Я вовсе не пытаюсь ничего узнать:
С кем? Где? Когда? Не моего ума то дело.
Но всё же мне обидно – ващу мать! –
Когда крадут не душу, блин, а тело.
Но в день, когда насытишься другими,
Зови меня, я прилечу на крыльях.
Я жду, твое шепча беззвучно имя,
И страсти с головой меня накрыли.
Ты знаешь – я твой раб и ныне, да и присно,
Какою бы ты блядью ни была.
Я знаю, что бываешь ты капризна,
Когда свои закусишь удила.
Развратничай, пей, веселись... Едрёна мать!
Устанешь – свистни, не заставляю ждать

Маршак:

Избави Бог, меня лишивший воли,
Чтоб я посмел твой проверять досуг,
Считать часы и спрашивать: доколе?
В дела господ не посвящают слуг.
Зови меня, когда тебе угодно,
А до того я буду терпелив.
Удел мой – ждать, пока ты не свободна,
И сдерживать упрек или порыв.
Ты предаешься ль делу иль забаве, -
Сама ты госпожа своей судьбе.
И, провинившись пред собой, ты вправе
Свою вину прощать самой себе.
В часы твоих забот иль наслажденья
Я жду тебя в тоске, без осужденья...

Сонет 59

Умищев:

Да, блин, ничто не ново под луною...
Я енту мысль немного разовью:
А может, жизнь не может быть иною?
Весь мир, сбёнтъ, сплошное дежавю.
Всё те же бабы, те же мужики. Но всё же
Хочу воспеть твой образ неземной.
В тебе воспеть и даже подытожить
В тебе всё то, что не найдешь в иной.
Поэты накопали виршей до хренищи,
Про девичью красу во всю трубя.
Но может ли язык наш скудный, нищий
Достойным словом превознести тебя?
О, сколько тех, кто недостойно был воспет!
Но виновата в том не Муза, а поэт!

Маршак:

Уж если нет на свете новизны,
А есть лишь повторение бывшего
И понапрасну мы страдать должны,
Давно рожденное рождая снова, -
Пусть наша память, пробежавши вспять
Пятьсот кругов, что солнце очертило,
Сумеет в древней книге отыскать
Запечатленный в слове лик твой милый.
Тогда б я знал, что думали в те дни
Об этом чуде, сложно совершенном, -
Ушли ли мы вперед, или они,
Иль этот мир остался неизменным.
Но верю я, что лучшие слова
В честь меньшего слагались божества!

Сонет 60

Умищев:

Да, время, блин, на месте не стоит.
Да и стоять – то времени ль забота?
Коль у меня стоит, то я пиит
И всё, что движется, любить – моя работа!
С годами всё летит в тартарары:
И обаяние, и ум, и стройность ног...
Но жаль, когда теряешь до поры
То, чем еще попользоваться б мог.
Вот и тебя коснулося дыхание Аида
Обвисли груди, будто уши таксы,
Взгляд потускнел, и речь не блядовита...
С такой не ляжешь, не глотнув метаксы!
И если б я не написал сей стих.
Кто б знал о прежних прелестях твоих?

Маршак:

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бессчетные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочередно к вечности бегут.
Младенчества новорожденный серп
Стремится к зрелости и наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдаёт в борьбе свой золотой венец.
Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Все лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.
Но время не сметет моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

Сонет 61

Умищев:

Лежу во тьме, сомкнув едва ресницы,
А образ твой – меня и в хвост, и в гриву...
Увы! Покой ночной мне только снится,
Всю ночь твой образ тормозит меня игриво.

Никто, увы, не даст мне облегченья –
Ни царь, ни бог и даже ни герой...

Придется мне достичь освобожденья...
«Как? Как?» Своею собственной рукой!

И образ твой всю ночь преследует меня,
И орган мой любви стоит, как часовой...

Минуты пробегают, семена...

Я чувствую себя полночною совой.

Лежу в ночи один и не смыкаю глаз:

А может быть, она с другим лежит сейчас?

Маршак:

Твоя ль вина, что милый образ твой

Не позволяет мне сомкнуть ресницы

И, стоя у меня над головой,

Тяжелым векам не дает закрыться?

Твоя ль душа приходит в тишине

Мои дела и помыслы проверить,

Всю ложь и праздность обличить во мне,

Всю жизнь мою, как свой удел, измерить?

О нет, любовь твоя не так сильна,

Чтоб к моему являться изголовью,

Моя, моя любовь не знает сна.

На страже мы стоим с моей любовью.

Я не могу забыться сном, пока

Ты - от меня вдали - к другим близка.

Сонет 62

Умищев:

Как самого себя люблю я, боже!
В сравнении со мной Нарцисс – говно!
Я всех себе милее, всех дороже –
Терзает эта страсть меня давно,
 Мне равных нет в осанке молодецкой,
И мыслями полна ума моя палата,
Я радуюсь всему с улыбкой детской...
Но в жизни наступает и расплата:
 Взглянувши в зеркало, я от тоски хренею:
В морщинах, лысый, без семи зубов...
И вот такой я предстаю пред нею?
Какая на хрен у нее ко мне любовь?
 Печально... Да, за золотой дукат
 Я получаю юность на прокат...

Маршак:

Любовь к себе моим владеет взором.
Она проникла в кровь мою и плоть.
И есть ли средство на земле, которым
Я эту слабость, мог бы побороть?
 Мне кажется, нет равных красотой,
Правдивей нет на свете никого.
Мне кажется, так дорого я стою,
Как ни одно земное существо.
 Когда же невзначай в зеркальной глади
Я вижу настоящий образ свой
В морщинах лет, - на этот образ глядя,
Я сознаюсь в ошибке роковой.
 Себя, мой друг, я подменял тобою,
 Век уходящий - юною судьбою.

Сонет 63

Умищев:

О, пощади и не руби лихую голову!
Когда любовь моя с годами охладает,
Ты всё же вспоминай, как было здорово,
И не ругай несчастного халдея.

Чтобы тебя на привязи держать,
Чтоб ревности безумия костёр мой стих,
Решил тебя морально я дожать,
И вот пишу тебе нетленный этот стих.

Ну, кто б еще сумел тебя воспеть?
Твою любовь, что мне была награда,
Была мой светоч. Будет так и впредь,
Ведь кроме этого, мне ничего не надо!

Чернилом чёрным я пишу сонет,
Но в нем увидишь радуг семицвет.

Маршак:

Про черный день, когда моя любовь,
Как я теперь, узнает жизни бремя,
Когда с годами оскудеет кровь
И гладкое чело изрежет время,

Когда к обрыву ночи подойдет,
Пройдя полкруга, новое светило
И потеряет краски небосвод,
В котором солнце только что царило, -

Про черный день оружие я припас,
Чтоб воевать со смертью и забвеньем,
Чтобы любимый образ не угас,
А был примером дальним поколеньям.

Оружье это - черная строка.
В ней все цвета переживут века.

Сонет 64

Умищев:

Безжалостное время всё разрушит.
Всему в черёд придет кирдык-пиздец.
Глаза ослепнут и оглохнут уши
И одряхлеет бодрый молодец.
 Всё рушит время – Колизей, замки, храмы;
Мельчают реки, океаны и моря;
На месте гор вдруг возникают ямы;
И звёзды на небе уже не так горят...
 Вот так и человек, совсем как ст^оляр:
Строгал, шил, свой коротая век.
Жил-жил... Да невзначай и помер.
Вот так же жил да помер человек...
 Ты близишься, безносая, с косою наперевес...
 Попугал же меня родиться бес!

Маршак:

Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя,
 Как пядь за пядью у прибрежных стран
Захватывает землю зыбь морская,
Меж тем как суша грабит океан,
Расход приходом мощным покрывая,
 Как пробегает дней круговорот
И королевства близятся к распаду...
Все говорит о том, что час пробьет -
И время унесет мою отраду.
 А это - смерть!.. Печален мой удел.
 Каким я хрупким счастьем овладел!

Сонет 65

Умищев:

Об этой деве не могу не говорить взахлёб –
Она умна, красива, грациозна, молода.
Так и смотрел, смотрел бы на неё б!
Но разрушают все быстротекущие года...
 Жаль из любви не делают консервы!
Стояла бы ты на полке, как бычки в томате!
Увы! Тебя настигла старость-стерва...
А юность где ж в весеннем аромате?
 Еще сонета моего не высохнут чернила,
А на тебя найдёт уже проруха:
Вот старость злобная тебя уж очернила
И превратила в дряхлую старуху...
 Да, милая, проходит всё, хе-хе!
 И ты красиво пребудешь лишь в стихе!

Маршак:

Уж если медь, гранит, земля и море
Не устоят, когда придет им срок,
Как может уцелеть, со смертью споря,
Краса твоя - беспомощный цветок?
 Как сохранить дыханье розы алой,
Когда осада тяжкая времен
Незыблемые сокрушает скалы
И рушит бронзу статуй и колонн?
 О горькое раздумье!.. Где, какое
Для красоты убежище найти?
Как, маятник остановив рукою,
Цвет времени от времени спасти?..
 Надежды нет. Но светлый облик милый
 Спасут, быть может, черные чернила!

Сонет 66

Умищев:

Откину тапочки! Мне видеть нестерпим,
Как честного ебут и в хвост и в гриву,
Как грязью мажут чистоту – ядрёна вошь!
Как олигархи царствуют глумливо...

Как развращают молодых людей,
Как истиной зовут прямую ложь,
Как возвышают истинных блядей,
Как, блин, вонзают правде в спину нож...

Когда мудака возвышен как пророк,
А умному судьба сидеть в психушке,
Когда талант не пущен на порог,
А бездарь у Госдумовской кормушки...

Куда же наша катится Земля?
Давно бы сгинул, да тебя мне жалко, бля...

Маршак:

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,

И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,

И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.

Все мерзостно, что вижу я вокруг...

Но как тебя покинуть, милый друг!

Сонет 67

Умищев:

Вот кобелино, всех почище кобелин –
Живет себе и даже в ус не дует!

Ему всё сходит с рук, хотя он, блин,
Не просыхая пьет и, как козёл, блядует.

Кто истинно красив – всегда в тени,
А этот же торчит бревном в глазу.

Природа, мать твою, не надо, не темни,
Очнись! Свои глаза ты, наконец, разуй!

Пошто его ты терпишь на Земле?
Феномен всех времён – наш новый русский.

Ведь что сказать об этом кобеле?

Карман набит баблом, зато мозгами узкий!

А может, терпишь ты его из-за контрасту?

Мол, были ж люди, ныне ж педерасты!

Маршак:

Спроси: зачем в пороках он живет?

Чтобы служить бесчестью оправданьем?

Чтобы грехам приобрести почет

И ложь прикрыть своим очарованьем?

Зачем искусства мертвые цвета

Крадут его лица огонь весенний?

Зачем лукаво ищет красота

Поддельных роз, фальшивых украшений?

Зачем его хранит природа-мать,

Когда она давно уже не в силах

В его щеках огнем стыда пылать,

Играть живою кровью в этих жилах?

Хранить затем, чтоб знал и помнил свет

О том, что было, и чего уж нет!

Сонет 68

Умищев:

Блестает лик его хрустальной чистотой,
Как раннею весной цветок необоримый.
Не так, как нынешние лица пышут красотой,
Раскрашенные фальшью приторного грима.

Да, было время чистой красоты,
Когда лицо и тело не скрывал наряд.
Кто с ними мог сравниться? Только ты!
Тебе ж наряды все до фонаря!

Античной красоты являешь ты пример -
Без ложных украшений красота красива!
Да как ни наряды уродливых химер,
Всё ж будут все они страшней кобылы сивой!

Так истину дарит Природа-мать,
Чтоб было фальшь нам легче распознать.

Маршак:

Его лицо - одно из отражений
Тех дней, когда на свете красота
Цвела свободно, как цветок весенний,
И не рядилась в ложные цвета,
Когда никто в кладбищенской ограде
Не смел нарушить мертвенный покой
И дать забытой золотистой пряди
Вторую жизнь на голове другой.
Его лицо приветливо и скромно.
Уста поддельных красок лишены.
В его весне нет зелени заемной
И новизна не грабит старины.
Его хранит природа для сравненья
Прекрасной правды с ложью украшения.

Сонет 69

Умищев:

Ты вся – венец природной красоты,
Твой облик – не прибавить, ни убавить ...
Ты мотыльком порхаешь. Просто ты
Живёшь пока в веселье и забаве.

Да, спору нет, ты охренительно красива,
Но коль копнуть тебя чуток поглубже...
(Не в этом смысле, мой читатель шаловливый!
Не в сексуальном смысле, нет! Ведь я не глуп же!)

Твоя душа не так уж хороша...
Сказать по чести, не душа – помойка.
С душой такою ты не стоишь ни шиша,
Ты хороша, лишь если не скрипуча койка!
Живешь, как пустоцвет... И тем себя погубишь:
Ты всем подряд даёшь, но никого не любишь!

Маршак:

В том внешнем, что в тебе находит взор,
Нет ничего, что хочется исправить.
Вражды и дружбы общий приговор
Не может к правде черточки прибавить.
За внешний облик - внешний и почет.
Но голос тех же судей неподкупных
Звучит иначе, если речь зайдет
О свойствах сердца, глазу недоступных.
Толкует о душе твоей молва.
А зеркало души - ее деянья.
И заглушает сорная трава
Твоих сладчайших роз благоуханье.
Твой нежный сад запущен потому,
Что он доступен всем и никому.

Сонет 70

Умищев:

У зависти похабнейший язык...
О злые языки – страшнее пистолета!
И чешут языком и баба, и мужик...
Откуда же взялось пристрастье это?
Такие байки ходят про тебя!
Все говорят, что ты насквозь развратна.
А ты ж невинна – сам, тебя ебя,
Я убеждался в сём неоднократно.
Как ни божись невинностью своей,
Пасть клеветы ты этим не заткнёшь.
Тот клеветник отъявленной и злей,
Которому ты вовсе не даёшь
Когда б на свете не было такой молвы,
Была бы жизнь твоя послаще пахлавы!

Маршак:

То, что тебя бранят, - не твой порок.
Прекрасное обречено молве.
Его не может очернить упрек -
Ворона в лучезарной синеве.
Ты хороша, но хором клеветы
Еще дороже ты оценена.
Находит червь нежнейшие цветы,
А ты невинна, как сама весна.
Избегла ты засады юных дней
Иль нападавший побежден был сам,
Но чистотой и правдою своей
Ты не замкнешь уста клеветникам.
Без этой легкой тени на челе
Одна бы ты царила на земле!

Сонет 71

Умищев:

Когда, сандали сбросив, в мир уйду иной,
Ты поскорби немного на погосте ...
Но, в общем-то, особенно не ной;
Ведь все мы в этой жизни только гости.

Но что ушло, того не возвратить.
Тебе оставил я последний свой сонет,
А сам ушел к Аиду в долгий путь...
На мне же не сошёлся клином свет:

Забудь и про сонет, и про минет –
И разлюби меня, ведь ты не некрофилка.
Что было – не вернёшь, того уж нет!
Влюбись в другого так же страстно, пылко.

Забудь меня. Я менее всего хотел,
Твоих воспоминаний наших потных тел!

Маршак:

Ты погрусти, когда умрет поэт,
Покуда звон ближайшей из церквей
Не возвестит, что этот низкий свет
Я променял на низший мир червей.

И, если перечтешь ты мой сонет,
Ты о руке остывшей не жалеи.
Я не хочу туманить нежный цвет
Очей любимых памятью своей.

Я не хочу, чтоб эхо этих строк
Меня напоминало вновь и вновь.
Пускай замрут в один и тот же срок
Мое дыханье и твоя любовь!..

Я не хочу, чтобы своей тоской
Ты предала себя молве людской.

Сонет 72

Умищев:

Когда отдам концы, ты малость погрузи,
Но о своей судьбе не надо ворожить:
Без помощи моей прямой твои пути,
А прошлое не надо ворошить.

Ведь если вспоминать начнёшь ты правду.
Не дай Господь, ты вспомнишь о таком,
Что лучше выпить смертную отраву,
Чем осознать, с каким жила ты мужиком!

Над гробом ты ведь столько всякого пропела,
Героя сделала, которым никогда я не был.
Теперь в гробу верчусь я, как пропеллер,
Чтобы прощение грехам молить у неба:

За то, что, в сущности, по жизни, был я блядь,
А после смерти и тебя заставил врать!

Маршак:

Чтобы не мог тебя заставить свет
Рассказывать, что ты во мне любила, -
Забудь меня, когда на склоне лет
Иль до того возьмет меня могила.

Так мало ты хорошего найдешь,
Перебирая все мои заслуги,
Что поневоле, говоря о друге,
Придумаешь спасительную ложь.

Чтоб истинной любви не запятнать
Каким-нибудь воспоминаньем ложным,
Меня скорей из памяти изгладь, -
Иль дважды мне ответ придется дать:

За то, что был при жизни столь ничтожным
И что потом тебя заставил лгать!

Сонет 73

Умищев:

Да, осень поздняя – не лучший, блин, сезон...
А осень жизни – та десятикратно хуже.
О смерти, верно, думать не резон
Для тех здоровых, кто живёт, не тужит.
Но что поделать, милая, увы и ах!
О смерти мысли – в сердце вострый нож.
Судьба живого – обращаться в тлен и прах,
И против этого закона не попрёшь!
Когда-то все мы были рысаками,
Мы излучали в мир восторг, харизму...
Но всё прошло, прошло к едрёне маме!
Остались лишь таблетки, шприцы, клизмы...
Но хоть висит, как тряпка, мой конец,
Зато еще сильнее союз сердец!

Маршак:

То время года видишь ты во мне,
Когда один-другой багряный лист
От холода трепещет в вышине -
На хорах, где умолк веселый свист.
Во мне ты видишь тот вечерний час,
Когда поблек на западе закат
И купол неба, отнятый у нас,
Подобьем смерти - сумраком объят.
Во мне ты видишь блеск того огня,
Который гаснет в пепле прошлых дней,
И то, что жизнью было для меня,
Могилою становится моей.
Ты видишь все. Но близостью конца
Теснее наши связаны сердца!

Сонет 74

Умищев:

Настанет время, я сыграю в ящик –
Тогда плевать на склепы и кресты.
Но памятник мне будет настоящий –
Вот эти строки, что читаешь ты.

Она всегда была твоя – моя душа,
Тебе всегда она принадлежала,
Хотя, сознаюсь, иногда, греша,
Вонзал я и в других красавиц жало.

Так что, когда умру, ты потеряешь мало:
Смерть только тело обратит во прах.
Ведь бабы для меня, что ножны для кинжала.
А ты – светило жизни в небесах.

Твоя душа – пьянящее вино.
Все остальные бабы – сущее говно!

Маршак:

Когда меня отправят под арест
Без выкупа, залога и отсрочки,
Не глыба камня, не могильный крест -
Мне памятником будут эти строчки.
Ты вновь и вновь найдешь в моих стихах
Все, что во мне тебе принадлежало.
Пускай земле достанется мой прах, -
Ты, потеряв меня, утратишь мало.

С тобою будет лучшее во мне.
А смерть возьмет от жизни быстротечно
Осадок, остающийся на дне,
То, что похитить мог бродяга встречный,
Ей - черепки разбитого ковша,
Тебе - мое вино, моя душа.

Сонет 75

Умищев:

Я раздеваю догола тебя бесстыжим взглядом,
Как будто ты раба, а я твой господин.
Богаче Креза я, когда ты где-то рядом,
Но нищ, как бож, когда я вновь один.

Как тот, кто обладает камнем драгоценным
Не знает, спрятать ли его в ларец
Или блистать с ним на подмостках сцены...
Так я не знаю, что мне делать... О, глупец!

Казалось бы, с тобою переспав
Всего однажды (да и то по пьянке!),
Готов молить тебя, к ногам твоим упав,
Как Кассио молил любви у Бьянки.

Вот так вся жизнь напоминает душ Шарко:
То ледяной поток, а то – аж жжёт! – с парком...

Маршак:

Ты уголяешь мой голодный взор,
Как землю освежительная влага.
С тобой веду я бесконечный спор,
Как со своей сокровищницей скряга.

То счастлив он, то мечется во сне,
Боясь шагов, звучащих за стеною,
То хочет быть с ларцом наедине,
То рад блеснуть сверкающей казною.

Так я, вкусив блаженство на пиру,
Терзаюсь жаждой в ожиданье взгляда.
Живу я тем, что у тебя беру,
Моя надежда, мука и награда.

В томительном чередованье дней
То я богаче всех, то всех бедней.

Сонет 76

Умищев:

Признаться, стих мой просто никуда:
Одно и то же я толку, как воду в ступе.
Что ни строка, то всё белиберда...
Когда же вдохновение наступит?

Моя любовь меня уж доканала:
И выход мне уж не такой богатый дан:
Иль утопиться, добежавши до канала,
Или с тоски напиться вдрибадан.

Я повторяюсь, в голове бестемье.
Тебя, по правде, воспевать устал.
Вновь вспоминаю, как бывало с теми,
Кого я целовал в раскрытые уста...

Твоя любовь – она, как летний зной...

Томит и жарит, но не пахнет новизной!

Маршак:

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова.
И кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Все это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу:

Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.

Все то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной!

Сонет 77

Умищев:

Я в зеркало смотреться не люблю:
Оттуда на меня глядит такая образина!
Пойду-ка я и жизнь усугублю,
Распив бутылку, что принёс из магазина
 А было ж время, я был хоть куда!
Любил, что движется, и сам бывал любим...
Да... Время, как меж пальцами вода,
Летит в небытие, и мы бежим за ним!
 Альцгеймер уж ко мне стучится в дверь
Я то, что помню, записать спешу.
О память! Мне свои сокровища доверь,
Ты ж видишь, мемуары я пишу.
 Глядишь, друзья, соседи, дети, внуки
 Прочтут мои каракули со скуки.

Маршак:

Седины ваши зеркало покажет,
Часы - потерю золотых минут.
На белую страницу строчка ляжет -
И вашу мысль увидят и прочтут.
 По черточкам морщин в стекле правдивом
Мы все ведем своим утратам счет.
А в шорохе часов неторопливом
Украдкой время к вечности течет.
 Запечатлейте беглыми словами
Все, что не в силах память удержать.
Своих детей, давно забытых вами,
Когда-нибудь вы встретите опять.
 Как часто эти найденные строки
 Для нас таят бесценные уроки.

Сонет 78

Умищев:

Украл, гады! Это ж сущий плагиат!
Что у меня есть Муза, объявил я первый,
Теперь же каждый заявить об этом рад.
У-у-у, эти стихоплёты-самоучки, стервы!..

Не всяк орёл, коль у него есть крылья,
(А то и курица не хуже, чем орёл!)
Хоть славой бездари себя покрыли,
Нисколько не поблек мой ореол!

Скажи, мои тебе стишки не плохи:
Ты истинный источник вдохновенья.
А то, что пишут о тебе все эти лохи...
Ха-ха! «Я помню чудное мгновенье...»

Как бильярдному шару необходима луза,
Так мне нужна для вдохновенья Муза!

Маршак:

Тебя я музой называл своею
Так часто, что теперь наперебой
Поэты, переняв мою затею,
Свои стихи украсили тобой.

Глаза, что петь немого научили,
Заставили невежество летать, -
Искусству тонкому придали крылья,
Изяществу - величия печать.

И все же горд своим я приношеньем,
Хоть мне такие крылья не даны.
Стихам других ты служишь украшеньем,
Мои стихи тобою рождены.

Поэзия - в тебе. Простые чувства
Ты возвышать умеешь до искусства.

Сонет 79

Умищев:

О, как тебе я вешал на уши лапшу!
Как посвящал тебе нескладные стихи.
Но ты ушла... Теперь как докажу,
Что помыслы мои светлы, тихи?!
Теперь иные изливают дифирамбы,
Твою красу вздымая до небес.
Но разве все эти хорей, гекзаметры, ямбы
Тебя достойны, подери их бес?
Ведь всякий стих есть только отраженье.
Не ты, они должны тебя благодарить,
Что разбудила страсть, что возбудила жженье,
Что им позволила себя стихами одарить!
Нет, то не ты у них среди должниц –
Они должны перед тобою падать ниц!

Маршак:

Когда один я находил истоки
Поэзии в тебе, блистал мой стих.
Но как теперь мои померкли строки
И голос музы немощной затих!
Я сознаю своих стихов бессилье.
Но все, что можно о тебе сказать,
Поэт в твоём находит изобилье,
Чтобы тебе преподнести опять.
Он славит добродетель, это слово
Украв у поведенья твоего,
Он воспевает красоту, но снова
Приносит дар, ограбив божество.
Благодарить не должен тот, кто платит
Сполна за все, что стихотворец тратит.

Сонет 80

Умищев:

Вот сукин сын! Подонок и ублюдок!
Тебя сманил медоточивым словом,
И я теперь посмешище у люда,
А он своим бахвалится уловом.

Но пусть он даже лайнер, как Титаник,
А я лишь яхта, как у нашего Романа,
Есть Божий суд, возмездья час настанет,
Заплатит он за подлость и обманы.

Пусть борт его украшен вензелями,
Пусть тучи дыма изливаются из труб...
Мой парус не сравнится с дизелями –
Но я-то доплыву, а он – утопший труп:
Его корабль несется прямо к льдине,
И, ох, не поздоровится блядине!

Маршак:

Мне изменяет голос мой и стих,
Когда подумаю, какой певец
Тебя прославил громом струн своих,
Меня молчать заставив, наконец.

Но так как вольный океан широк
И с кораблем могучим наравне
Качает скромный маленький челнок, -
Дерзнул я появиться на волне.

Лишь с помощью твоей средь бурных вод
Могу держаться, не иду ко дну.
А он в сиянье парусов плывет,
Бездонную тревожа глубину.

Не знаю я, что ждет меня в пути,
Но не боюсь и смерть в любви найти.

Сонет 81

Умищев:

Кто тапочки откинет раньше, ты или я?
Но если ты сыграешь в ящик первой,
То не поведаю я средь этого дурья,
Какою была отменной стервой.

Я буду воспевать тебя всю жизнь!
Для всех ты будешь чистой и святой...
Но лучше ты подольше продержишься,
А я пойду к Анду на постой.

Обоих нас мой стих переживёт,
А с ним и ты пройдёшь через века.
Забудут Кромвеля, французское вшивьё,
Витию лысого, вещавшего с броневика.

Тебя же не коснется тлен и прах,
Тебя воспел Поэт, а не какой-то вертопрах!

Маршак:

Тебе ль меня придется хоронить
Иль мне тебя, - не знаю, друг мой милый.
Но пусть судьбы твоей прервется нить,
Твой образ не исчезнет за могилой.

Ты сохранишь и жизнь и красоту,
А от меня ничто не сохранится.
На кладбище покой я обрету,
А твой приют - открытая гробница.

Твой памятник - восторженный мой стих.
Кто не рожден еще, его услышит.
И мир повторит повесть дней твоих,
Когда умрут все те, кто ныне дышит.

Ты будешь жить, земной покинув прах,
Там, где живет дыханье, - на устах!

Сонет 82

Умищев:

Ты, вторя плембу и простому люду,
Мой стих чернишь, что в жилах кровь аж стынет.
Поверь мне, что не всякому верблюду
Дано найти оазис свой в пустыне.

Тебе в уме и красоте не отказать,
И в полном от тебя отпаде бабы.
Подумавши, скажи мне, твою мать,
Которая из них тебя воспеть могла бы?

Конечно, средь бисексов-виршеплётов
Найти и можно, кто меня речистей.

Но все они лишь птицы одного помёта,
А я к тебе горю любовью чистой!

Ну, хули ты кобенишься, мой друг?
Ты так хорош! Как лошадь без подруг...

Маршак:

Не обручен ты с музою моей,
И часто снисходителен твой суд,
Когда тебе поэты наших дней
Красноречиво посвящают труд.

Твой ум изящен, как твои черты,
Гораздо тоньше всех моих похвал.
И поневоле строчек ищешь ты
Новее тех, что я тебе писал.

Я уступить соперникам готов.
Но после риторических потуг
Яснее станет правда этих слов,
Что пишет просто говорящий друг.

Бескровным краска яркая нужна,
Твоя же кровь и без того красна.

Сонет 83

Умищев:

Не верь портрету с мягкостью постели,
Что для тебя художник-льстец намалевал.
Ведь цель его – склонить тебя к постели.
Пусть не сведёт тебя с ума словесный шквал.

Ты затаила злобу на меня, что я
Один средь поэтического сброда,
От всех от них свою любовь тая,
Не напишу тебе похвальной оды?

Что я плохой поэт – пустые слухи.
А впрочем, похвалы мне ваши не нужны.
И всем вам говорю: «Киш мир ин тухес!»,
Здрав на заднице свои штаны.

Ах, орган мой любви вздымает ввысь...

Нет-нет! Я говорю о сердце, не сердись!

Маршак:

Я думал, что у красоты твоей
В поддельных красках надобности нет.
Я думал: ты прекрасней и милей
Всего, что может высказать поэт.

Вот почему молчания печать
На скромные уста мои легла, -
Чтобы свое величье доказать
Без украшений красота могла.

Но ты считаешь дерзостным грехом
Моей влюбленной музы немоту.
Меж тем другие немощным стихом
Бессмертную хоронят красоту.

То, что во взоре светится твоём,

Твои певцы не выразят вдвоем.

Сонет 84

Умищев:

Где мне найти слова, едрёна мать,
Чтобы воспеть в стихах тебя достойно,
Чтоб красоту твою мне описать,
Используя лишь слог благопристойный?

Я признаюсь, что описать бессилён
Тебя стихом, хоть будь в нём слов мильон.
Все прелести твои воспеть не смог бы Силен,
Хоть он и был в стихах и похоти силён.

Мозгами бранными, наверно, не понять,
Съев соли даже и поболее пуда:
И как только смогла природа-мать
Создать, ебёныть, вот такое чудо?

И всё ж могу тебе я дать совет:

Не слушай льстивых слов, в них правды нет.

Маршак:

Кто знает те слова, что больше значат
Правдивых слов, что ты есть только ты?
Кто у себя в сокровищнице прячет
Пример тебе подобной красоты?

Как беден стих, который не прибавил
Достоинства виновнику похвал.
Но только тот в стихах себя прославил,
Кто попросту тебя тобой назвал.

Пересказав, что сказано природой,
Он создает правдивый твой портрет,
Которому бесчисленные годы
Восторженно дивиться будет свет.

А голоса тебе любезной лести

Звучат хулой твоей красе и чести!

Сонет 85

Умищев:

Пишу я пару строк, но неплохих,
Другие ж изгаляются при этом.
Но тот, кто чувство вкладывает в стих,
Лишь тот достоин звания поэта.

Молясь тебе, как с паперти дьячок,
Я счастьем опьянён, до тошноты.
У них же чувств всего на пятак,
А у меня ж одна богиня – это ты...

Тот может тыщу раз сказать «халва»,
Но оттого во рту не станет слаще.
А я шепчу тебе волшебные слова,
И сердце у тебя от них колотит чаще.

Зачем глущу-певцу уподобляться?

Писать стихи без чувства – это блядство!

Маршак:

Моя немая муза так скромна.
Меж тем поэты лучшие кругом
Тебе во славу чертят письмена
Красноречивым золотым пером.

Моя богиня тише всех богинь.
И я, как малограмотный дьячок,
Умею только возглашать "аминь!"
В конце торжественно звучащих строк.

Я говорю: "Конечно!", "Так и есть!",
Когда поэты произносят стих,
Твоим заслугам воздавая честь, -
Но сколько чувства в помыслах моих!

За громкие слова цени певцов,
Меня - за мысли тихие, без слов.

Сонет 86

Умищев:

Он в честь тебя стихи всю ночь слагал,
Он на меня с прибором положил...
А я ему за столько лет ни разу не солгал,
Я только им единственным и жил!

Что ты близка к нему – на это наплевать.
Вот то, что он теперь тобою бредит,
Что позабыл он про мою кровать,
Вот это рушит жизненный мой дебит-кредит...

Прости меня, любовник голубой,
Не знал, что страсти могут быть такие:
Я раньше женщин лишь пленял собой
И их пронзал своим любовным кием.

Но ты мне изменил с моею же шалавой,
Мою к тебе любовь покрывши чёрной славой...

Маршак:

Его ли стих - могучий шум ветрил,
Несущихся в погоню за тобою, -
Все замыслы во мне похоронил,
Утробу сделав урной гробовою?

Его ль рука, которую писать
Учил какой-то дух, лишенный тела,
На робкие уста кладет печать,
Достигнув в мастерстве своем предела?

О нет, ни он, ни дружественный дух -
Его ночной советчик бестелесный -
Так не могли опеломить мой слух
И страхом поразить мой дар словесный.

Но если, ты с его не сходишь уст, -
Мой стих, как дом, стоит открыт и пуст.

Сонет 87

Умищев:

Ну, коль решила бросить – уходи,
Нет, нет! Тебя удерживать не стану.
Но чтоб меня ни ждало впереди,
Тебя превозносить я не устану.

Возможно, что тебя я недостоин,
Но я тебя не домогался, кстати.
Сама нашла, что я отличный воин,
Когда всю ночь воюю на кровати.

Ну, что ж, ты своего хозяйка тела:
Тебе решать, кому его отдать или продать.
Коли взаправду очень расхотела,
То мне одна судьбина – лишь страдать!
 Что ж побывал я в роли короля...
 Но с трона ты меня сместила, бя!

Маршак:

Прощай! Тебя удерживать не смею.
Я дорого ценю любовь твою.
Мне не по средствам то, чем я владею,
И я залог покорно отдаю.

Я, как подарком, пользуюсь любовью.
Заслугами не куплена она.
И значит, добровольное условие
По прихоти нарушить ты вольна.

Дарила ты, цены не зная кладу
Или не зная, может быть, меня.
И не по праву взятую награду
Я сохранял до нынешнего дня.

 Был королем я только в сновиденье.
 Меня лишило трона пробужденье.

Сонет 88

Умищев:

Когда своей натуре потакая,
Плести и про меня ты будешь небылицы,
Я всё же промолчу про то, кто ты такая –
Развратней похотливой кобылицы.

Свои пороки я прекрасно знаю,
В сравнении со мною ты белее лебедей.
Хоть, расскажу, как еженощно я пронзаю
Кинжалом страсти геев и блядей?

Но злобой непонятною объята,
Рисуешь ты портрет такого блядуна,
Что будто я вместилице разврата,
Что мне, козлу, лишь похоть, бля, дана!
Несёшь ты про меня досужую херню,
Но я ж тебя, клянусь, ни в жисть не очерню!

Маршак:

Когда захочешь, охладев ко мне,
Предать меня насмешке и презрению,
Я на твоей останусь стороне
И честь твою не опорочу тенью.

Отлично зная каждый свой порок,
Я рассказать могу такую повесть,
Что навсегда сниму с тебя упрек,
Запятнанную оправдаю совесть.

И буду благодарен я судьбе:
Пускай в борьбе терплю я неудачу,
Но честь победы приношу тебе
И дважды обретаю все, что трачу.

Готов я жертвой быть непраоты,
Чтоб только правой оказалась ты.

Сонет 89

Умищев:

Своей измене ищешь оправданье,
Меня говном при этом густо мажа.
Но буду я всю жизнь свою твой данник,
Какую б обо мне ты не лепила лажу.
Нет, зла я на тебя нисколько не держу:
Ты ж это не со зла, а чтоб спасти престиж –
Ведь это ясно даже и ежу,
Что, почему и как ты говоришь!
А мне осталось – выбор невелик! –
Писать про прошлую любовь сонеты...
Я б вырвал слабый мой язык,
Коль опустился б до тебе ответов!
Мне память о тебе настолько дорога,
Что будет другом мне враг твоего врага.

Маршак:

Скажи, что ты нашла во мне черту,
Которой вызвана твоя измена.
Ну, осуди меня за хромоту -
И буду я ходить, согнув колено.
Ты не найдешь таких обидных слов,
Чтоб оправдать внезапность охлаждения,
Как я найду. Я стать другим готов,
Чтоб дать тебе права на отчужденье.
Дерзну ли о тебе упомянуть?
Считать я буду память вероломством
И при других не выдам как-нибудь,
Что мы старинным связаны знакомством.
С самим собою буду я в борьбе:
Мне тот враждебен, кто не мил тебе!

Сонет 90

Умищев:

Ну, ты, шалава подлая, даёшь!
Нашла моментец, нечего сказать!
Ты меж лопаток мне вонзаешь нож,
Чтоб не смотреть открыто мне в глаза?
Да, именно сейчас, когда в полночном мире
Друзей заклятых аж не перечести,
И каждый замочить грозит в сортире...
И у тебя последняя пропала честь?
И ты, как все, устроила засаду?
Я от тебя не жду пощады дара,
Но добивать лежачего не надо...
Не наноси последнего удара!
Ты бросила в ночи, не дождалась утра ты...
Что после этого мне прочие утраты?

Маршак:

Уж если ты разлюбишь - так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!
И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром - утром без отрады.
Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больнее,
Что нет невзгод, а есть одна беда -
Твоей любви лишиться навсегда.

Сонет 91

Умищев:

Как много в окруженьи фанфаронов!
Кто хвалится деньжищ своих горой,
А кто родством с покойным фараоном.
По мне ж всё это – чистый геморрой!
У всякого есть свой предмет горженья.
И у меня есть тоже – это ты.
Ты – сердца стук и сладострастья жженье,
И полуночные безумные мечты
Ты и служанка, ты и королева.
То скромница ты, то любви кумир...
Пока с тобой – я не гляжу налево,
Ты мне собою заслонила мир!
Я никогда и ни за что тебя не кину,
Вот ты бы не нашла другого кобелину!

Маршак:

Кто хвалится родством своим со знатью,
Кто силой, кто блестящим галуном,
Кто кошельком, кто пряжками на платье,
Кто соколом, собакой, скакуном.
Есть у людей различные пристрастья,
Но каждому милей всего одно.
А у меня особенное счастье, -
В нем остальное все заключено.
Твоя любовь, мой друг, дороже клада,
Почетнее короны королей,
Наряднее богатого наряда,
Охоты соколиной веселей.
Ты можешь все отнять, чем я владею,
И в этот миг я сразу обеднею.

Сонет 92

Умищев:

Нет, чёрта лысого, тебя я отпущу!
Дал обязательство любить до гробовой доски.
Но коли бросишь ты меня, не загрущу,
Я просто тут же сдохну от тоски.
Я вовсе не боюсь твоих измен.
Я сам всю жизнь свою шершел ля фам,
Но вот теперь навек попал я в плен!
Кто столько не любил, как я, понять ли вам?
Твоя измена – в сердце вострый нож,
Теперь мне в жизни ничего не светит.
Измены ноша – тяжелейшая из нош...
Но кто не без греха на этом белом свете?
Ведь и на солнце, говорят, есть пятна...
Но ты верна ль мне щас? Вот это непонятно...

Маршак:

Ты от меня не можешь ускользнуть.
Моей ты будешь до последних дней.
С любовью связан жизненный мой путь,
И кончиться он должен вместе с ней.
Зачем же мне бояться худших бед,
Когда мне смертью меньшая грозит?
И у меня зависимости нет
От прихотей твоих или обид.
Не опасаясь я твоих измен.
Твоя измена - беспощадный нож.
О, как печальный жребий мой блажен:
Я был твоим, и ты меня убьешь.
Но счастья нет на свете без пятна.
Кто скажет мне, что ты сейчас верна?

Сонет 93

Умищев:

Блажен, кто верует... Так буду ж я блажен.
Поверю, что ты непорочна и верна.
Пребуду в сладостном обманном мираже,
Хотя, на самом деле, знаю, ты скверна.

Твои глаза чисты, как у младенца
И выраженье на лице твоём такое,
Что никуда моя к тебе любовь не денется,
Я вновь уверен, счастлив и спокоен.

Ты для меня в Эдем чудесный врага,
Ты для мня в кромешной тьме маяк.
Да будь ты хоть убежище разврата
Но делай только вид, что ты навек моя.

Все бабы – Евы, я сказать посмею:
Живут с Адамами, но отдаются Змею.

Маршак:

Что ж, буду жить, приемля как условие,
Что ты верна. Хоть стала ты иной,
Но тень любви нам кажется любовью.
Не сердцем - так глазами будь со мной.

Твой взор не говорит о перемене.
Он не таит ни скуки, ни вражды.
Есть лица, на которых преступленья
Чертят неизгладимые следы.

Но, видно, так угодно высшим силам:
Пусть лгут твои прекрасные уста,
Но в этом взоре, ласковом и миллом,
По-прежнему сияет чистота.

Прекрасно было яблоко, что с древа
Адаму на беду сорвала Ева.

Сонет 94

Умищев:

Пусть будет вечно славен тот злодей,
Кто, будучи в душе последней сукой,
Всегда приносит счастье для людей,
Творит добро и разгоняет скуку.

Но тот добряк с намереньем хорошим,
Кто беды и ущерб приносит людям,
Любого тот злодея многократно плоше:
Не по словам, а по делам судимы будем.

Цветок в саду садовник поливает
За красоту, хоть ядом тот смертельным плох.
Мне ж больше по душе былинка полевая,
И даже, чёрт возьми, чертополох!

Так почему ж цветёт цветок разврата,
А бедная травинка виновата?

Маршак:

Кто, злом владея, зла не причинит,
Не пользуясь всей мощью этой власти,
Кто двигает других, но, как гранит,
Неколебим и не подвержен страсти, -

Тому дарует небо благодать,
Земля дары приносит дорогие.
Ему дано величьем обладать,
А чтить величье призваны другие.

Лелеет лето лучший свой цветок,
Хоть сам он по себе цветет и вянет.
Но если в нем приют нашел порок,
Любой сорняк его достойней станет.

Чертополох нам слаще и милей
Растрепанных роз, отравленных лилей.

Сонет 95

Умищев:

Ты словно роза пышная весной,
Вся из себя красивая, цветешь и пахнешь.
Балдеет от тебя народ честной –
Ведь, глядя на тебя, невольно ахнешь!
Идёт по свету о тебе молва,
Что на тебе и пробы негде ставить.
Толпа всегда найдет свои слова
Не важно, для чего – ославить иль прославить!
Но ты, и впрямь, скромна, прикрытая чадрою,
Скрывающей от мира твой развратный лик.
И всё ж греха всего ты своего не скроешь,
Столь у тебя он грязен и велик
Себя ты деве непорочной уподобила...
Но суку чёрную ведь не отмоешь добела!

Маршак:

Ты украшать умеешь свой позор.
Но, как в саду незримый червячок
На розах чертит гибельный узор, -
Так и тебя пятнает твой порок.
Молва толкует про твои дела,
Догадки щедро прибавляя к ним.
Но похвалой становится хула.
Порок оправдан именем твоим!
В каком великолепнейшем дворце
Соблазнам низким ты даешь приют!
Под маскою прекрасной на лице,
В наряде пышном их не узнают.
Но красоту в пороках не сберечь.
Ржавая, острогу теряет меч.

Сонет 96

Умищев:

Ты вызываешь мнений бурный торг:
Кому-то ты, ну, как бревно в глазу,
А у кого-то вызываешь ты восторг,
Как неба внешнего прозрачная лазурь.

Но прелести твои на деле ничего не стоят;
Быть молодой не надобно особого таланта.
Так в перстне короля стекло простое
Всем кажется прекрасным бриллиантом.

Ты и сейчас уже развратно ядовита –
Такой пурги вокруг ты намела,
Что видно по всему, ты станешь блядовита,
Но, впрочем, ты мне всё равно мила.

Хочу тебя... Ведь я не моралист:
Ты не чиста, но ведь и я не чист!

Маршак:

Кто осуждает твой беспечный нрав,
Кого пленяет юный твой успех.
Но, прелестью проступки оправдав,
Ты в добродетель превращаешь грех.

Поддельный камень в перстне королей
Считается алмазом дорогим, -
Так и пороки юности твоей
Достоинствами кажутся другим.

Как много волк похитил бы овец,
Надев ягненка нежное руно.
Как много можешь ты увлечь сердец
Всем, что тебе судьбой твоей дано.

Остановись, - я так тебя люблю,
Что весь я твой и честь твою делю.

Сонет 97

Умищев:

Когда тебя со мною нет, в душе моей зима
Как будто с головы до пят я снегом запорошен.
И думаю себе в уме: «Эх ма!

Никем я не востребован и не запрошен.

Жаль. Пролетело лето словно МИГ,

Оставив только след на небосводе.

И осень задержалась лишь на миг.

И вот зима! Тоска... Аж скулы сводит!

Замолк в кустах сладкоголосый соловей

Лишь ухает сова да долбит дятел.

И у меня стучит как будто в голове...

Быть может, от тоски я просто спятил?

Пожалуй, закажу по телефону пиццу....

И время самое по-чёрному напиться!

Маршак:

Мне показалось, что была зима,

Когда тебя не видел я, мой друг.

Какой мороз стоял, какая тьма,

Какой пустой декабрь царил вокруг!

За это время лето протекло

И уступило осени права.

И осень шла, ступая тяжело, -

Оставшаяся на сносках вдова.

Казалось мне, что все плоды земли

С рождения удел сиротский ждёт.

Нет в мире лета, если ты вдали.

Где нет тебя, и птица не поет.

А там, где слышен робкий, жалкий свист,

В предчувствии зимы бледнеет лист.

Сонет 98

Умищев:

Лишь только кончились весенние капли
И бурно в поле расцвели цветы,
И пташечки беспечные запели,
Ты кинула меня... Нашла же время ты!

По пашне ходят чёрные грачи,
В весенней борозде червей ища...
О, как твои объятия были горячи,
И ты в глаза глядела мне, о чём-то вереща

Я очень рад был, что прошла зима
Я не люблю, признаюсь, холодов –
Они страшнее, чем сума и чем тюрьма,
Я за весну полжизни был отдать готов.

Но лучше бы с тобою зимовать.

Чем потерять тебя весной, едрёна мать!

Маршак:

Нас разлучил апрель цветущий, бурный.
Все оживил он веяньем своим.
В ночи звезда тяжелая Сатурна
Смеялась и плясала вместе с ним.

Но гомон птиц и запахи и краски
Бесчисленных цветов не помогли
Рождению моей весенней сказки.
Не рвал я пестрых первоцветов земли.

Раскрывшиеся чаши снежных лилий,
Пурпурных роз душистый первый цвет,
Напоминая, мне не заменили
Ланит и уст, которым равных нет.

Была зима во мне, а блеск весенний
Мне показался тенью милой тени.

Сонет 99

Умищев:

Моя поехала, по-видимому, крыша:
Что ни нюхну в саду – мерещишься мне ты.
Закрыв глаза и ни хрена не слыша,
Я нюхаю и нюхаю цветы.

Вон тянется прелестная фиалка,
Свой источая сладкий аромат,
Я к ней рукой тянусь, и даже жалко,
Что это не глаза твои глядят...

Цвет роз твои напоминает перси,
И будто рук твоих у лилий белизна.
И запах твой украл цветущий персик...
А стройность ног – высокая сосна.....

И сердце бьется гулко об штанину...
Во всём мне чудится прекрасная дивчина.

Маршак:

Фиалке ранней бросил я упрек:
Лукавая крадет свой запах сладкий
Из уст твоих, и каждый лепесток
Свой бархат у тебя берет украдкой.

У лилий - белизна твоей руки,
Твой темный локон - в почках майорана,
У белой розы - цвет твоей щеки,
У красной розы - твой огонь румяный.

У третьей розы - белой, точно снег,
И красной, как заря, - твое дыханье.
Но дерзкий вор возмездья не избег:
Его червяк съедает в наказанье.

Каких цветов в саду весеннем нет!
И все крадут твой запах или цвет.

Сонет 100

Умищев:

Ну, отчего же, Муза, ты молчишь?
Ведь он же вдохновлял тебя всегда!
Теперь же ты притихла, словно мышь.
Неужто светит новая звезда?

Достойна ль та небесная пылинка
Сыграть Юпитера блистательную роль?
Как с дубом не сравнится хилая былинка,
Так пред Юпитером звезда любая – ноль.

Нет, Муза! Ты получше приглядысь –
У моего любимца нет изъяна
Я прелести его видал надясь,
А ты, небось, влюбилась в обезьяну?
О, Муза, возложи на лоб его венец.
Пока концы не отдал голубой конец!

Маршак:

Где муза? Что молчат ее уста
О том, кто вдохновлял ее полет?
Иль, песенкой дешевой занята,
Она ничтожным славу создает?

Пой, суетная муза, для того,
Кто может оценить твою игру,
Кто придает и блеск, и мастерство,
И благородство твоему перу.

Вглядысь в его прекрасные черты
И, если в них морщину ты найдешь,
Изобличи убийцу красоты,
Строфою гневной заклеими грабеж.

Пока не поздно, времени быстреей
Бессмертные черты запечатлей!

Сонет 101

Умищев:

Ну, Муза, ты, признаюсь я, паскуда!
Пошто не славилшь моего партнёра?
Ведь он красив, силён – ну, просто чудо!
Об этом ведь не может быть и спора!

Он так прекрасен! Вовсе нету слов,
Чтоб описать его, не годна речь простая:
Красив, как мерин сивый средь ослов,
Как сизый голубь средь вороньей стаи!

От страсти пламенной к нему фигея,
Я другу своему кричу «Виват!»
Ведь то, что бабу променял на гея,
Гормоны, блин, не я же виноват!

Он – совершенство!.. Он... Едрёна мать!
Умом такое чудо не понять!

Маршак:

О, ветренная муза, отчего,
Отвергнув правду в блеске красоты,
Ты не рисуешь друга моего,
Чьей доблестью прославлена и ты?
Но, может быть, ты скажешь мне в ответ,
Что красоту не надо украшать,
Что правде придавать не надо цвет
И лучшее не стоит улучшать.

Да, совершенству не нужна хвала,
Но ты ни слов, ни красок не жалея,
Чтоб в славе красота пережила
Свой золотом покрытый мавзолей.

Нетронутым - таким, как в наши дни,
Прекрасный образ миру сохрани!

Сонет 102

Умищев:

Любовь – она не мерится словами,
Слова любви – приманка для лохинь.
Любовь – когда живут и дышат вами,
Превознося в душе вас выше всех богинь.

Конечно, в дни любовного запоя
И я трезвонил соловьем весенним.
Но если б соловей пел год без перебоя,
Кто б восхищался этим песнопеньем?
Что в оправдание сказать своей любимой?
Чем воду в ступе поэтической толочь,
Я б страсти предался неодолимой,
Любя её безгласно день и ночь.

Я, как и раньше, всё смотрел бы на неё б,
Но оды петь не в силах уж взахлёб...

Маршак:

Люблю, - но реже говорю об этом,
Люблю нежней, - но не для многих глаз.
Торгует чувством тот, что перед светом
Всю душу выставляет напоказ.

Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь нова была для нас.
Так соловей гремит в полночный час
Весной, но флейту забывает летом.

Ночь не лишится прелести своей,
Когда его умолкнут излиянья.
Но музыка, звуча со всех ветвей,
Обычной став, теряет обаянье.

И я умолк подобно соловью:
Свое пропел и больше не пою.

Сонет 103

Умищев:

Нет слов... Да и слова-то эти на хрена?
Чтобы воспеть тебя, слов не было и нет!
Да и какая похвала тебе нужна?
Ты самый лучший голый мой сюжет.

Сам на себя ты в зеркало взгляни –
Ты ж воплощенье красоты земной!
И всё в тебе – от пяток до ланит
Меня дурманит, как июльский зной.

Такое совершенство передать
Не в силах и ни кисть, и ни резец....
Тем более, слова, едрёна мать...
Ты вечной страсти вечный образец!

Ну, что сравниться бы смогло с тобой,
В подлунном мире, мой любовник голубой?

Маршак:

У бедной музы красок больше нет,
А что за слава открывалась ей!
Но, видно, лучше голый мой сюжет
Без добавленья похвалы моей.

Вот почему писать я перестал.
Но сам взгляни в зеркальное стекло
И убедись, что выше всех похвал
Стеклом отраженное чело.

Все то, что отразила эта гладь,
Не передаст палитра иль резец.
Зачем же нам, пытаясь передать,
Столь совершенный портить образец?

И мы напрасно спорить не хотим
С природой или зеркалом твоим.

Сонет 104

Умищев:

Едрёна мать! Ужель прошло три года?
Три снежные зимы, три знойных лета,
Трёх осеней дождливая погода
И вёсен трёх лазурнейшего цвета?

Но время будто бы не властно над тобою,
По-прежнему, ты так же хороша,
К любовному всегда готова бою
Всегда полна задора, куража.

Как жаль – ты так не часто мне близка,
А потому ценю минуты эти я
Свистят они, как пули у виска –
Мгновения, часы, года, столетия...

Смогла жар-птицу ты за хвост поймать,
И время для тебя – ничто, едрёна мать!

Маршак:

Ты не меняешься с теченьем лет.
Такой же ты была, когда впервые
Тебя я встретил. Три зимы седые
Трёх пышных лет запорошили след.

Три нежные весны сменили цвет
На сочный плод и листья огневые,
И трижды лес был осенью раздет...
А над тобой не властвуют стихии.

На циферблате, указав нам час,
Покинув цифру, стрелка золотая
Чуть движется невидимо для глаз,
Так на тебе я лет не замечаю.

И если уж закат необходим, -
Он был перед рождением твоим!

Сонет 105

Умищев:

Есть у меня единственный на свете идол,
Ему я поклоняюсь день и ночь.
Он, как и я, простой английский пидор,
И удержаться от слагания сонетов мне невмочь...

Он с каждым днём всё глубже лезет в душу.
Но разрешите мне, забыв Эзопа,
Сказать открыто – правды не разрушу! –
Он с каждой ночью глубже лезет в жопу.

Он мне милее, чем другой любой,
С ним не боюсь ни тришпера, ни СПИДа.
О, Бог Любви лазурно-голубой,
Он лучший в целом мире пидор!

Три свойства в нём – уменье, красота, ебучесть...

Они навек мою решили участь.

Маршак:

Язычником меня ты не зови,
Не называй кумиром божество.
Пою я гимны, полные любви,
Ему, о нем и только для него.

Его любовь нежнее с каждым днем,
И, постоянству посвящая стих,
Я поневоле говорю о нем,
Не зная тем и замыслов других.

"Прекрасный, верный, добрый" - вот слова,
Что я твержу на множество ладов.
В них три определенья божества,
Но сколько сочетаний этих слов!

Добро, краса и верность жили врозь,
Но это все в тебе одном слилось.

Сонет 106

Умищев:

Сказать по правде, я от зависти синего,
Средневековый сжав в руке роман:
Как дон Кихот молился Дульсинея!
Иль как Изольду воспевал Тристан!
У женщин было ведь всё то же, как сейчас:
Глаза, грудь, ноги, губы, ягодицы...
Но ведь поэзия была, как Божий глас.
А нынешний наш слог совсем уж не годится!
Все нынче счастье ищут между ног...
А ведь душа у женщины – жар-птица!
Ах, жил бы я тогда... Тогда б я смог
Так написать, чтобы всю жизнь гордиться,
Чтоб даже через тыщу долгих лет
Звучал бы круто мной написанный сонет!

Маршак:

Когда читаю в свитке мертвых лет
О пламенных устах, давно безгласных,
О красоте, слагающей куплет
Во славу дам и рыцарей прекрасных,
Столетиями хранимые черты -
Глаза, улыбка, волосы и брови -
Мне говорят, что только в древнем слове
Могла всецело отразиться ты.
В любой строке к своей прекрасной даме
Поэт мечтал тебя предугадать,
Но всю тебя не мог он передать,
Впиваясь в даль влюбленными глазами.
А нам, кому ты, наконец, близка, -
Где голос взять, чтобы звучал века?

Сонет 107

Умищев:

Всё начиналось, вроде, просто так,
Казалось бы простые шуры-муры.
Я вёл себя, конечно, как простак,
Поверив в эти пашни и амуры.

Но вот поди ж, наперекор прогнозам
Переросла интрижка в охренительную страсть.
Бывает, что в гангрену развивается заноза,
Ну, а гангрена может даже жизнь украсть.

Смерть не страшна. Коль я сыграю в ящик,
Останутся мои бессмертные стихи.
А я воспел тебя для пушности (для вящей),
А потому и ты преодолеешь тлен стихий.

В моих стихах, как под надёжной крышей,
Переживёшь генсеков, президентов, нуворишей...

Маршак:

Ни собственный мой страх, ни вещей взор
Вселенной всей, глядящий вдаль прилежно,
Не знают, до каких дана мне пор
Любовь, чья смерть казалась неизбежной.

Свое затмение смертная луна
Пережила назло пророкам лживым.
Надежда вновь на трон возведена,
И долгий мир сулит расцвет оливам.

Разлукой смерть не угрожает нам.
Пусть я умру, но я в стихах воскресну.
Слепая смерть грозит лишь племенам,
Еще не просветленным, бессловесным.

В моих стихах и ты переживешь
Венцы тиранов и гербы вельмож.

Сонет 108

Умищев:

Скрипя пером из нержавеющей стали,
Я выразить восторг свой не могу словами.
Я знаю, от сонетов вы давно устали,
Но дайте мне еще попеть перед вами...

Любовь бессмертна, я скажу вам точно.
Едва одну успел похоронить,
На смену новая... И столь же непорочна
И та же у неё в постели прыть.

Любовь бессмертна – это эстафета:
Один бегун передаёт другому палку...
И бесконечна передача палки этой
(Пока бегун не добежит до катафалка!)

Любовь – она, конечно, не морковь,
Зато морковь напоминает мне любовь...

Маршак:

Что может мозг бумаге передать,
Чтоб новое к твоим хвалам прибавить?
Что мне припомнить, что мне рассказать,
Чтобы твои достоинства прославить?

Нет ничего, мой друг. Но свой привет,
Как старую молитву - слово в слово, -
Я повторяю. Новизны в нем нет,
Но он звучит торжественно и ново.

Бессмертная любовь, рождаясь вновь,
Нам неизбежно кажется другою.
Морщин не знает вечная любовь
И старость делает своим слугою.

И там ее рождение, где молва
И время говорит: любовь мертва.

Сонет 109

Умищев:

Прости меня за гомосечный грех,
Но разве он помеха нам с тобою?
Ведь апосля моих на стороне утех,
Опять чаруешь ты меня своею ворожбою.
Поверь, не лгу – ты вечная моя обитель.
Я уходил, но возвращался вновь и вновь.
Но и в твою ведь спальню проникал грабитель.
Так что у нас с тобою равная любовь.
Как на духу, я признаюсь, что я козёл,
Что я, блядун, мизинца твоего не стою.
Сам на себя за это страшно зол...
Да, я – козёл! Но будь моей козою...
Я знаю, что любовь, конечно, зла.
Так почему б не полюбить тебе козла?

Маршак:

Меня неверным другом не зови.
Как мог я изменить иль измениться?
Моя душа, душа моей любви,
В твоей груди, как мой залог, хранится.
Ты - мой приют, дарованный судьбой.
Я уходил и приходил обратно
Таким, как был, и приносил с собой
Живую воду, что смывает пятна.
Пускай грехи мою сжигают кровь,
Но не дошел я до последней грани,
Чтоб из скитаний не вернуться вновь
К тебе, источник всех благодеяний.
Что без тебя просторный этот свет?
Ты в нем одна. Другого счастья нет.

Сонет 110

Умищев:

Я был всегда гороховым шутом
Менял я женщин, тим-дирьям-дирь, как перчатки.
И вдруг, придя в себя на берегу крутом,
Я понял: это не любовь, а блядки.

Вся жизнь моя никчёмна и пуста.
Как мне бы жизнь свою начать опять сначала?
Я так изблядовался, что устал...
Тут ты!.. И снова сердце застучало!

И у тебя ланиты аж зардели...
Как скромно ты потушила глаза!..
Клянусь, я больше ни на миг в бордели,
Жизнь прежнюю спущу на тормозах!
Но не спеши фатой головку накрывать...
Сначала, друг мой поспешим в кровать.

Маршак:

Да, это правда: где я ни бывал,
Пред кем шута ни корчил площадного,
Как дешево богатство продавал
И оскорблял любовь любовью новой!

Да, это правда: правде не в упор
В глаза смотрел я, а куда-то мимо,
Но юность вновь нашел мой беглый взор,
Блуждая, он признал тебя любимой.

Все кончено, и я не буду вновь
Искать того, что обостряет страсти,
Любовью новой проверять любовь.
Ты - божество, и весь в твоей я власти.

Вблизи небес ты мне приют найди
На этой чистой, любящей груди.

Сонет 111

Умищев:

Ты прав, мой Друг, обматерив меня.
За то, что я беспутен... В самом деле,
На что же любовь святую променял?
На шлюх продажных в городском борделе?
Маляр всегда своей же краскою измазан –
На каждом след свой оставляет ремесло.
Так и ко мне пристала тришпера зараза,
Но, слава Богу, с сифилисом пронесло.
Клянусь, я буду принимать антибиотик,
И все болезни снимет, как рукой.
Мне б раньше надо было пить антиеботик,
Тогда б я был сейчас совсем-совсем другой!
Нет, не жалей меня, так не годится:
Не нужно был трахать гея в ягодицы...

Маршак:

О, как ты прав, судьбу мою браня,
Виновницу дурных моих деяний,
Богиню, осудившую меня
Зависеть от публичных подаяний.
Красильщик скрыть не может ремесло.
Так на меня проклятое занятие
Печатью несмываемой легло.
О, помоги мне смыть мое проклятье!
Согласен я без ропота глотать
Лекарственные горькие коренья,
Не буду горечь горькою считать,
Считать неправой меру исправленья.
Но жалостью своей, о милый друг,
Ты лучше всех излечишь мой недуг!

Сонет 112

Умищев:

В конце концов, на всех мне наплевать!
Молва людская пусть покроет славою срамного
Но девы юной непорочная плева
Мне не нужна, когда мой Друг со мною.

Лишь ты теперь вовеки мне судья,
На остальных я положил с прибором.
Я перед всеми белоснежно чист. Ведь я
Долги свои раздал и даже с перебором.

С тобою мне всё в этом мире нипочём
И безразлично мне, по правде говоря,
Чем мажут – мёдом лести иль хулы дерьмом –
Теперь, поверь, мне всё до фонаря!

Мне слышать бы твоё сердцебиенье,
А остальное пусть сгорит в Огненной Геенне.

Маршак:

Мой Друг, твоя любовь и доброта
Заполнили глубокий след проклятья,
Который выжгла злая клевета
На лбу моем каленою печатью.

Лишь похвала твоя и твой укор
Моей отрадой будут и печалью.
Для всех других я умер с этих пор.
И чувства оковал незримой сталью.

В такую бездну страх я зашвырнул,
Что не боюсь гадюк, сплетенных вместе,
И до меня едва доходит гул
Лукавой клеветы и лживой лести.

Я слышу сердце друга моего,
А все кругом беззвучно и мертво.

Сонет 113

Умищев:

Ты от меня ушла... Я вижу мир другим:
Вселенная лишь отражение твоё:
Всё ненавистное смешалось с дорогим.
Но чудится мне, будто мы вдвоём...
Мои глаза не видят ни хрена.
Я, как слепец, простёр перед собою длани.
То ощущаю хобот (или?..) у слона.
А то ласкаю шёлк спины прекрасной лани.
То ты черней вороны, злобен взгляд,
То ты голубка, что воркует мило.
И мыслью я навязчивой объят:
В мою любовь другой пролез без мыла!
Приснится же такое! Вот же, ёж!
Со мною лёжа, ты себя другому отдаёшь...

Маршак:

Со дня разлуки - глаз в душе моей,
А тот, которым путь я нахожу,
Не различает видимых вещей,
Хоть я на все по-прежнему гляжу.
Ни сердцу, ни сознанию беглый взгляд
Не может дать о виденном отчет.
Траве, цветам и птицам он не рад,
И в нем ничто подолгу не живет.
Прекрасный и уродливый предмет
В твое подобье превращает взор:
Голубку и ворону, тьму и свет,
Лазурь морскую и вершины гор.
Тобою полон и тебя лишен,
Мой верный взор неверный видит сон.

Сонет 114

Умищев:

Я не пойму, то ли глаза мне врут,
То ль ты меня так ловко водишь за нос...

По жизни я всегда был прям и круг,
Не потому ль попал, как негру в анус?

Мои глаза из всяких Квазимод
Прекрасных херувимов создают,
И даже безобразнейший урод
В моих глазах находит свой приют.

Счастливые дурных сторон не ищут:
Святым не ведом развратитель жён,
Невинной девой видится отпетая блядища...
А может, взгляд мой тоже искажён?

А врут прозрею я? Тогда что будет, братцы?
Узрев кикимор, можно и усраться!

Маршак:

Неужто я, прияв любви венец,
Как все монархи, лестью упоен?
Одно из двух: мой глаз - лукавый льстец.
Иль волшебству тобой он обучен.

Из чудищ и бесформенных вещей
Он херувимов светлых создает.
Всему, что входит в круг его лучей,
С твоим лицом он сходство придаёт.

Вернее первая догадка: лесть.
Известно глазу все, что я люблю,
И он умеет чашу преподнести,
Чтобы пришлась по вкусу королю.

Пусть это яд, - мой глаз искупит грех:
Он пробует отраву раньше всех!

Сонет 115

Умищев:

«Тебя, – я клялся, – я люблю сильнее всех!»
Но вот другую встретил я девушку.
Любовь к тебе?.. Так это ж просто смех!
А вот на эту – не могу я надивиться!
И никогда не обещаю любить всегда.
Кто знает, что еще случится вскоре?
Любовь порою хуже, чем беда.
Моменты радости и – годы, годы горя...
И даже в самый-самый страстный миг
Любовью вечною, не надо, не божись.
Скажу тебе по-стариковски напрямик:
Что жёстче хера? Жёстче – только жизнь!
Любовь сначала видится грудастой молодухой,
Но не успел моргнуть – перед тобой беззубая старуха...

Маршак:

О, как я лгал когда-то, говоря:
"Моя любовь не может быть сильнее".
Не знал я, полным пламенем горя,
Что я любить еще нежней умею.
Случайностей предвидя миллион,
Вторгающихся в каждое мгновенье,
Ломающих незыблемый закон,
Колелеблующих и клятвы и стремленья,
Не веря переменчивой судьбе,
А только часу, что еще не прожит,
Я говорил: "Любовь моя к тебе
Так велика, что больше быть не может!"
Любовь - дитя. Я был пред ней не прав,
Ребенка взрослой женщиной назвав.

Сонет 116

Умищев:

Да хер с тобой! Не хочешь – уходи!
Твоя измена не убьёт любви моей.
Лишь сердце с раною гудит в груди,
И эта боль день ото дня сильней.

Я верую в любовь, в любовь до гроба,
В любовь, что светит в жизни, как маяк.
Не важно, он или она (пусть выберет утроба)
Я каждого люблю... Вот какова любовь моя!

Британцы говорят, что возбраняется
(Чтоб не случилось бы какой беды)
В одну корзину складывать все яйца.
А я забыл... И вот теперь – кирдык!
Дворец любви моей теперь готовлю к сносу.
Ну, что поделывать? Я остался с носом...

Маршак:

Мешать соединенью двух сердец
Я не намерен. Может ли измена
Любви безмерной положить конец?
Любовь не знает убыли и тлена.

Любовь - над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане.
Любовь - звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

Любовь - не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.

А если я не прав и лжет мой стих,
То нет любви - и нет стихов моих.

Сонет 117

Умищев:

Нет оправдания мне... Да, я – козлице сраный!–
По жизни стольким я тебе обязан.
На волосок от смерти, приползал к тебе я с раной
И был всегда бинтом твоей любви обвязан...

Да, я, увы, тобой пренебрегал,
Своею лейкою цветы чужие поливая.
То в честь твою слагал я мадригал,
То вновь влекла меня ромашка полевая...

Да, верности черту я преступал,
Но был бы верным импотентом, был бы толк?
Сознайся, разве мой банан хоть раз упал
Когда я исполнял в ночи любовный долг?

Да, я козёл, гуляка и блядун...

Ты ж на любовной арфе лучшая из струн!

Маршак:

Скажи, что я уплатой пренебрег
За все добро, каким тебе обязан,
Что я забыл заветный твой порог,
С которым всеми узами я связан,
Что я не знал цены твоим часам,
Безжалостно чужим их отдавая,
Что позволял безвестным парусам
Себя нести от милого мне края.

Все преступления вольности моей
Ты положи с моей любовью рядом,
Представь на строгий суд твоих очей,
Но не казни меня смертельным взглядом.

Я виноват. Но вся моя вина

Покажет, как любовь твоя верна.

Сонет 118

Умищев:

Вкушая жизнь, не надо горячиться.
Коли еда вдруг кажется пресна,
Добавь немного перца, иль горчицы,
Или стакан водяры хлобыстни до дна.

Любя одну и ту ж, теряешь аппетит
И понимаешь вскоре, наконец,
Что это не халва тебе претит,
А просто тянет на солёный огурец!

Ходил я по блядам... Но мне поверь,
Лишь для того, чтоб их сравнить с тобой.
А то, что иногда к парням стучался в дверь,
Так это, потому что сам я голубой...

Теперь лишь понял я: других ебя,
Я безвозвратно потерял тебя...

Маршак:

Для аппетита пряностью приправы
Мы называем горький вкус во рту.
Мы горечь пьем, чтоб избежать отравы,
Нарочно возбуждая дурноту.

Так, избалованный твоей любовью,
Я в горьких мыслях радость находил
И сам себе придумал нездоровье
Еще в расцвете бодрости и сил.

От этого любовного коварства
И спасенья вымышленных бед
Я заболел не в шутку и лекарства
Горчайшие глотал себе во вред.

Но понял я: лекарства - яд смертельный
Тем, кто любовью болен беспредельной.

Сонет 119

Умищев:

Я был могуч: ведь покорил весь мир же!
Я был любовью богат, как Крез.
И вдруг обвал, как на нью-йоркской бирже.
С любовью я силен... А кем я буду без?..
Воистину, что мы имеем – не храним.
А в жизни так легко всё потерять!
И даже Голиаф легко раним,
Коль из рогатки по нему пулять.
Лишь только потеряв, оценишь, что имел,
И за возврат готов платить ты кровью..
О смерти думать – то здорового удел,
Больные думают всегда лишь о здоровье.
Когда останешься ты нищ и наг,
Тогда поймёшь, какой ты был дурак.

Маршак:

Каким питьем из горьких слез Сирен
Отравлен я, какой настойкой ада?
То я страшусь, то взят надеждой в плен,
К богатству близок и лишаюсь клада.
Чем согрешил я в свой счастливый час,
Когда в блаженстве я достиг зенита?
Какой недуг всего меня потряс
Так, что глаза покинули орбиты?
О, благодетельная сила зла!
Все лучшее от горя хорошеет,
И та любовь, что сожжена дотла,
Еще пышней цветет и зеленеет.
Так после всех бесчисленных утрат
Во много раз я более богат.

Сонет 120

Умищев:

Мой Друг бывал порой со мною грубоват,
В пивной, в застолье и в чертогах спален...
(Не был ли ментором его маркиз де Сад?)
Но ведь и я, увы, совсем не идеален!

Но, может быть, не он, а я неправ,
Обидев невзначай того, кого люблю?
Тогда, гордыню неуместную поправ,
Тебя о снисхождении молю...

Давай с тобой забудем эту ночь,
Когда шлея попала нам под хвост обоим
Ведь жить друг без друга нам с тобой невмочь.
И пусть для нас сияет вечно небо голубое.

И пусть опять два тела голубых в любви обвиты.
И если даже кто из нас неправ – мы квиты.

Маршак:

То, что мой друг бывал жесток со мною,
Полезно мне. Сам испытав печаль,
Я должен гнаться под своей виною,
Коль это сердце - сердце, а не сталь.

И если я потряс обидой друга,
Как он меня, - его терзает ад,
И у меня не может быть досуга
Припоминать обид минувших яд.

Пусть та ночь печали и томленья
Напомнит мне, что чувствовал я сам,
Чтоб другу я принес для исцеленья,
Как он тогда, раскаянья бальзам.

Я все простил, что испытал когда-то,
И ты прости, - взаимная расплата!

Сонет 121

Умищев:

О, злые языки – страшнее пистолета!
Чем клевету напраслины мне смыть?
Нет! Блядством истинным отвечу я на это:
Воистину, уж лучше быть, чем слыть!
Коль на тебе уж негде ставить пробы,
Себя не обелишь, меня черня.
Ты изливаешь тонны гнусной злобы,
Хоть знаешь сам, что всё это херня!
Да, грязен я, но не грязней подонков,
Которые клеветуют на меня.
Ведь всё равно же рвётся там, где тонко:
Восстанет правда, что на ложь ты променял
Ты видишь в зеркале чужих пороков лица.
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

Маршак:

Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.
Напраслина страшнее обличенья.
И гибнет радость, коль ее судить
Должно не наше, а чужое мненье.
Как может взгляд чужих порочных глаз
Щадить во мне игру горячей крови?
Пусть грешен я, но не грешнее вас,
Мои шпионы, мастера злословья.
Я - это я, а вы грехи мои
По своему равняете примеру.
Но, может быть, я прям, а у судьбы
Неправого в руках кривая мера,
И видит он в любом из ближних ложь,
Поскольку ближний на него похож!

Сонет 122

Умищев:

Ты даришь мне на память свой портрет?
На кой мне он? С какого перепугу?
Не лучше ли портрета мой сонет,
В котором я воспел тебя, подруга?

Портрет истлеет, иль его своруют
Проткнут ножом иль кислотой зальют,
А мой сонет, который я тебе дарю,
Тебя прославит, будто праздничный салют.

Со временем портрет товарный потеряет вид.
Не будет стоить ломаного цента.

Твой незабвенный лик мне память сохранит,
Как деньги в банке (да еще с процентом!)

Через десяток лет к портрету подойди ты:
Увидишь старую каргу, не Афродиту...

Маршак:

Твоих таблиц не надо мне. В мозгу -
Верней, чем на пергаменте и воске, -
Я образ твой навеки сберегу,
И не нужны мне памятные доски.

Ты будешь жить до тех далеких дней,
Когда живое, уступая тленью,
Отдаст частицу памяти твоей
Всесильному и вечному забвенью.

Так долго бы не, сохранился воск
Твоих таблиц - подарок твой напрасный.
Нет, любящее сердце, чуткий мозг
Полнее сберегут твой лик прекрасный.

Кто должен памятку любви хранить,
Тому способна память изменять!

Сонет 123

Умищев:

Нет, чёрта лысого! Меня не изменить.
Но хоть мы все беспомощны и тленны,
Пока не оборвётся жизни нить,
Я буду оставаться прежним, неизменным.
Жизнь коротка и коротка без меры.
Со временем ведя жестокий спор,
Мы вызываем прошлого химеры
И наряжаем их в сегодняшний убор.
Нет новизны ни в сущем, ни в былом.
Кругом одна и та же мутотень
А посему я был, и есть, и буду кобелём.
Не наводя морали тень на свой платень!
Своею философией меня вгоняешь в сплин...
Я жить хочу, а не терзаться, блин!

Маршак:

Не хвастай, время, властью надо мной.
Те пирамиды, что возведены
Тобою вновь, не блещут новизной.
Они - перелицовка старины.
Наш век недолог. Нас немудрено
Прельстить перелицованным старьем.
Мы верим, будто нами рождено
Все то, что мы от предков узнаем.
Цена тебе с твоим архивом грош.
Во мне и тени удивленья нет
Пред тем, что есть и было. Эту ложь
Плетешь ты в спешке суетливых лет.
И если был я верен до сих пор,
Не изменюсь тебе наперекор!

Сонет 124

Умищев:

Я не дурак, чтоб верить в удачу,
Случайно можно выбрать и говно.
Я же на поиски такое время трачу.
Не мудрено – имею, что не каждому дано.
Любовь ища, я перетрахал целый мир.
Моя любовь – несметное богатство,
Но я его не трачу, как транжир.
Своей любовью я не перестану восторгаться:
Ей не страшны злословья и угрозы,
Ей не страшны косые чьи-то взгляды,
Ей не страшны жара, морозы, грозы,
Ей не страшны кинжалы, жала, яды!
Ну, что сказать? Пороком жизнь измерьте.
Ведь добродетель оживает только после смерти.

Маршак:

О, будь моя любовь - дитя удачи,
Дочь времени, рожденная без прав, -
Судьба могла бы место ей назначить
В своем венке иль в куче сорных трав.
Но нет, мою любовь не создал случай.
Ей не сулит судьбы слепая власть
Быть жалкою рабой благополучий
И жалкой жертвой возмущенья пасть.
Ей не страшны уловки и угрозы
Тех, кто у счастья час берет внаем.
Ее не холит луч, не губят грозы.
Она идет своим большим путем.
И этому ты, временщик, свидетель,
Чья жизнь - порок, а гибель - добродетель.

Сонет 125

Умищев:

Коль был бы президентский я холуй,
 Или владел игорными домами,
 Я б всех послал... (нет, этим словом не балуй!)
 Куда-куда!.. Послал б к едрёной маме!
 Ведь тот, кто пленник славы и бабла,
 Над ним, как меч Домоклов, смерть повисла.
 И коль корысть тебя по жизни засбла,
 То, значит, ты не понял жизни смысла.
 Нет, лучше с юной девой в шалаше
 Делить кус хлеба да лохань похлёбки.
 Что надобно? Ля фаму нашерпеть
 И жить спокойно от поёбки до поёбки.
 И счастьем не хозяин тот, кто всем пресыщен:
 Любовь – цель жизни, а не зелени халявной тыщи!

Маршак:

Что, если бы я право заслужил
 Держать венец над тронном властелина
 Или бессмертья камень заложил,
 Не более надежный, чем руина?
 Кто гонится за внешней суетой,
 Теряет все, не рассчитав расплаты,
 И часто забывает вкус простой;
 Избалован стряпней замысловатой.
 Нет, лишь твоих даров я буду ждать.
 А ты прими мой хлеб, простой и скудный.
 Дается он тебе, как благодать,
 В знак бескорыстной жертвы обоюдной.
 Прочь, искуситель! Чем душе трудней,
 Тем менее ты властвуешь над ней!

Сонет 126

Умищев:

Ах, Купидон, коварный шалунишка!
Что б делали мы без твоих даров?
Нас услаждая, ты не мудрствовал слишком:
Чем глубже влез, тем больше будет дров!
Ты щедр, покуда в венах жизнь теплится,
По жизни ты плывёшь на белом пароходе...
Вокруг весёлые глаза, улыбочивые лица
Но время не падит... Эрекция уходит...
Не бзди, малыш. Уж такова коварная природа:
То красоту казнит, а то падит уroda.
(Старик Вильям здесь пропустил две строчки,
Поэтому и мы поставим точки)
Да, в юности ты заменял обед и ужин,
Но срок приходит – ты уже не нужен.

Маршак:

Крылатый мальчик мой, несущий бремя
Часов, что нам отсчитывают время,
От убыли растешь ты, подтверждая,
Что мы любовь питаем, увядая.
Природа, разрушительница-мать,
Твой ход упорно возвращает вспять.
Она тебя хранит для праздной шутки,
Чтобы, рождая, убивать минутки.
Но бойся госпожи своей жестокой:
Коварная падит тебя до срока.

.....

.....

Когда же это время истечет, -
Предъявит счет и даст тебе расчет.

Сонет 127

Умищев:

Кто краше, ворон чёрный иль павлин
С его, к тому же, царственной осанкой?
Неужто у кого-то есть сомненья, блин?
Сравнить красавца с грязною засранкой!

Цвет черный матери-природе чужд.
Цвет жизни – он всегда необычайно яркий.
Поверили? Но это ж просто чушь!
Возьмите девок от модели до доярки...

К примеру, вот и у моей подруги:
Осанка гордая, рука тонка,
Нога длинна, и буфера упруги,
(Дневальный, не забыл того станка ☺?),
А локоны ее черны, черны и очи...

Но, впрочем, что там цвет под кровом ночи!

Маршак:

Прекрасным не считался черный цвет,
Когда на свете красоту ценили.
Но, видно, изменился белый свет, -
Прекрасное подделкой очернили.

С тех пор как все природные цвета
Искусно подменяет цвет заемный,
Последних прав лишилась красота,
Сльвет она безродной и бездомной.

Вот почему и волосы, и взор
Возлюбленной моей чернее ночи, -
Как будто носят траурный убор
По тем, кто краской красоту порочит.

Но так идет им черная фата,
Что красотой стала чернота.

Сонет 128

Умищев:

Ну, вот опять бренчишь ты на гитаре!
Тебя давно уж ждёт моя струна...
Ты ж начинаешь попусту гутарить,
Совсем другими мыслями полна...

Ужели для своих чудесных рук
Ты не находишь лучшего занятия?
Иди скорее в рук моих объятья круг,
Освободившись от объятья платья...

И начинай играть, как на органе,
На органе моем любом, включая...
И я тебе чего-нибудь сварганю,
На ласки нежные безумством отвечая.

Мы музыкантами с тобою стать могли б –
Ведь лучше музыки кровати мерный скрип.

Маршак:

Едва лишь ты, о музыка моя,
Займешься музыкой, встревожив строй
Ладов и струн искусною игрой,
Ревнивой завистью терзаюсь я.

Обидно мне, что ласки нежных рук
Ты отдаешь танцующим ладам,
Срывая краткий, мимолетный звук, -
А не моим томящимся устам.

Я весь хотел бы клавишами стать,
Чтоб только пальцы легкие твои
Прошлись по мне, заставив трепетать,
Когда ты струн коснешься в забытии.

Но если счастье выпало струне,
Отдай ты руки ей, а губы - мне!

Сонет 129

Умищев:

Какой во время секса, на хер, стыд?
И кто, кого и как – о том забудь!
И время нужно, чтоб потом остыть
И на случившееся сквозь туман взглянуть.
Наутро, ковыряя вилкой винегрет,
Без аппетита, ты, такая недотрога,
А думаешь: «Я делала минет...
Неужто проглотила я так много?»
И я подумаю с презреньем и брезгливо:
«Вот, блин, куда вчера меня несло?
Надрался водки, будто мерин сивый.
Не помню ни лица ее, ни слов...»
Вот так-то братец, пей, но меру знай:
Чтоб в ужасе не пробудиться после сна.

Маршак:

Издержки духа и стыда растрата -
Вот сладострастье в действии. Оно
Безжалостно, коварно, бесновато,
Жестоко, грубо, ярости полно.
Утолено, - влечет оно презренье,
В преследованье не жалеет сил.
И тот лишен покоя и забвенья,
Кто невзначай приманку проглотил.
Безумное, само с собой в раздоре,
Оно владеет, иль владеют им.
В надежде - радость, в испытанье - горе,
А в прошлом - сон, растаявший, как дым.
Все это так. Но избежит ли грешный
Небесных врат, ведущих в ад кромешный?

Сонет 130

Умищев:

Что ж, блин, я в ней сумел-таки найти?
Как говорится, у неё ни кожи нет, ни рожи...

А охмурила ведь... Ну, мать её ети!
Да, крепко и надолго влип, похоже.

И впрямь, в ней нет ни розы белизны,
И губы вовсе не под цвет коралла,
И пахнет сеном, а не ландышем лесным...
За что же так её природа покарала?

А груди, чресла?.. Это не фигура,
А нечто, слов чему не подобрать.

И взгляд такой, что сразу видно - дура.
Не доведёт меня всё это до добра...

Друзья! Не выбирайте девку спьяну,
Чтоб с опохмелки не узреть её изьяны.

Маршак:

Ее глаза на звезды не похожи
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.

Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

И все ж она уступит тем едва ли,
Кого в сравненьях пышных оболгали.

Сонет 131

Умищев:

Ты так красива, так богата, так надменна,
Свою над мужиками знаешь власть.
Ты получаешь всё, что хочешь, непременно,
Всё сразу и сейчас, а не потом – и часть!

Наверно, мать твою когда-то эфиоп...
Ну, как там... Ну, Отелло захотело
И дочка дожа втрескалась по гроб,
Отдав ему и честь свою, и тело.

Ты чёрная жемчужина, ты – секс-магнит...
И тёмный цвет лица, и тёмные волосы, –
Всё это возбуждает и манит...

Но не открою страшных тайн, небось, я,
Сказав: «Да, ты отменно хороша,
Но нет, не ты черна, черна твоя душа».

Маршак:

Ты прихоти полна и любишь власть,
Подобно всем красавицам надменным.
Ты знаешь, что моя слепая страсть
Тебя считает даром драгоценным.

Пусть говорят, что смуглый облик твой
Не стоит слез любовного томленья, -
Я не решаюсь в спор вступать с молвой,
Но спорю с ней в своем воображеньи.

Чтобы себя уверить до конца
И доказать нелепость этих басен,
Клянусь до слез, что темный цвет лица
И черный цвет волос твоих прекрасен.

Беда не в том, что ты лицом смугла, -
Не ты черна, черны твои дела!

Сонет 132

Умищев:

Я просто офигел... От глаз твоих тапсусь!
Но смотрят на меня они, как в бездну...
Вернуть тебя я безнадежно тпсусь,
Но всё теперь уже, наверно, бесполезно...
Да, всё прошло, как с белых яблонь дым...
Ты кинула меня и с этой вестью
Пришла сказать: «Прости, я повязалась с молодым».
Ты даже в этой блядской миссии прелестна!
Так поздняя звезда на небосводе,
Уж светлеющем, в небытие уходит,
Свет умирающий её с ума буквально сводит.
Он краше, чем румянец утра при восходе...
Вовек мне не забыть твой взгляд, как ты молчала...
Быть может, смерть любви прекраснее начала?

Маршак:

Люблю твои глаза. Они меня,
Забывтого, жалеют непритворно.
Отвергнутого друга хороня,
Они, как траур, носят цвет свой черный.
Поверь, что солнца блеск не так идет
Лицу седого раннего востока,
И та звезда, что вечер к нам ведет, -
Небес прозрачных западное око -
Не так лучиста и не так светла,
Как этот взор, прекрасный и прощальный.
Ах, если б ты и сердце облекла
В такой же траур, мягкий и печальный, -
Я думал бы, что красота сама
Черна, как ночь, и ярче света - тьма!

Сонет 133

Умищев:

Ну, ты, блядища подлая, даёшь!
Мне б изменила – не сказал бы слова,
Но ты ж украла подло у меня
Любимца моего – партнёра голубого!
Я в одночасье потерял тебя, его, себя...
Я нищ, я немощен, я весь в дерьме.
Я был богат, как Крез, обоих вас ебя...
О, лучше б оказаться мне с сумой в тюрьме!
Прошу тебя: найди другого мужика,
Тебе ж раз плюнуть – совратить любого.
Отдай мне, я молю тебя, верни дружка!
Где я найду еще такого голубого?
Но в жизни всё, что надо, у блядей,
И ни хера нет у порядочных людей!

Маршак:

Будь проклята душа, что истерзала
Меня и друга прихотью измен.
Терзать меня тебе казалось мало, -
Мой лучший друг захвачен в тот же плен.
Жестокая, меня недобрым глазом
Ты навсегда лишила трех сердец:
Теряя волю, я утратил разом
Тебя, себя и друга, наконец.
Но друга ты избавь от рабской доли
И прикажи, чтоб я его стерег.
Я буду стражем, находясь в неволе,
И сердце за него отдам в залог.
Мольба напрасна. Ты - моя темница,
И все мое со мной должно томиться.

Сонет 134

Умищев:

Да, блин, ты настоящий пидарас!
Увел мою любовницу, подлюга!
Разрушил жизнь мою одним щелчком, за раз...
Теперь мне ты не друг, она мне не подруга...

Я умолял его, ведь он же человек,
Чтоб продолжал любить меня, как прежде.
Но он сказал, что больше он не гомосек,
Живет, как все, меняет стиль в одежде...

И у тебя ко мне нет сострадания.
Ну, что плохого? Жили бы втроём...
Своей любви платил б обоним дань я,
А так я стал, как обмельчавший водоём...

За что же на меня судьбина бочку катит?
Распался треугольник... Теперь я просто катет.

Маршак:

Итак, он твой. Теперь судьба моя
Окажется заложным именем,
Чтоб только он - мое второе "я" -
По-прежнему служил мне утешеньем.

Но он не хочет, и не хочешь ты.
Ты не отдашь его корысти ради.
А он из бесконечной доброты
Готов остаться у тебя в закладе.

Он поручитель мой и твой должник.
Ты властью красоты своей жестокой
Преследуешь его, как ростовщик,
И мне грозишь судьбою одинокой.

Свою свободу отдал он в залог,
Но мне свободу возратить не мог!

Сонет 135

Умищев:

По-аглицки «Вильям» значит «Хочу»,
А посему я вечно сексуально озабочен.
Ах, знала б ты, как я набух от чувств
И как хочу тебя я очень-очень!

Я знаю, и твоим желаньям нет предела.
Пусть не у входа главного в твой храм,
А где то сбоку, у его придела,
Дай приобщиться мне к твоим дарам.

Ведь Солнцу полуденному не жалко
На камни, на траву и на зверьё излить лучи.
В костёр пылающий коли не кинешь палку,
Погаснет он, кричи иль не кричи...

Не говори мне «нет». Тебе же не в убыток!
А мне и без тебя хватает в жизни пыток.

Маршак:

Недаром имя, данное мне, значит
"Желание". Желанием томим,
Молю тебя: возьми меня в придачу
Ко всем другим желаниям твоим.

Ужели ты, чья воля так безбрежна,
Не можешь для моей найти приют?
И, если есть желаньям отклик нежный,
Ужель мои ответа не найдут?

Как в полноводном, вольном океане
Приют находят странники-дожди, -
Среди своих бесчисленных желаний
И моему пристанище найди.

Недобрым "нет" не причиняй мне боли.
Желанья все в твоей сольются воле.

Сонет 136

Умищев:

Зови меня ты ласково – «Хотенчик»...
Желаний у меня аж через край!
Как я хочу, чтоб мой игривый птенчик
Нашел бы в гнездышке твоём прекрасный рай.

Да, имя полное «Хочу» ношу я гордо:
Я перетрахал всех, от мала до велика.
Ну, а когда с родным покончу городом,
Поеду в Лондон, город многоликий.

Я знаю, что и у тебя мильон желаний,
Что размыкаешь еженощно ты колени...
Пойми, что иногда и бык для стройной лани
Желанней может быть прекрасного оленя!

Люблю ли тебя, не знаю я, мой свет,
Но знаю, что хочу... И жду ответ!

Маршак:

Твоя душа противится свиданьям.
Но ты скажи ей, как меня зовут.
Меня прозвали "волей" иль "желаньем"
А воле есть в любой душе приют.

Она твоей души наполнит недра
Собой одной и множествами воль.
А в тех делах, где счет ведется щедро,
Число "один" - не более чем ноль.

Пусть я ничто во множестве несметном,
Но для тебя останусь я одним.
Для всех других я буду незаметным,
Но пусть тобою буду я любим.

Ты полюби сперва мое прозвание,
Тогда меня полюбишь. Я - желанье!

Сонет 137

Умищев:

Как говорится, зла любовь, ох, зла!
Но все зависит от видения в глазу
То дева вдруг влюбляется в козла,
То юноша влюбляется в козу...
Твоя постель, как постоялый двор,
В ней утешенья ищут все, кому не лень.
Ты дверь не запираешь на затвор –
Она для всех открыта ночь и день.
Но глаз, замыленный любовной пеленой,
Не в состоянии отличить добра от зла,
Я, будто бы объевшись беленой,
На всё гляжу глазами старого козла.
Доверясь слепоте любви, живу,
Не понимая, что творится наяву...

Маршак:

Любовь слепа и нас лишает глаз.
Не вижу я того, что вижу ясно.
Я видел красоту, но каждый раз
Понять не мог, что дурно, что прекрасно.
И если взгляды сердце завели
И якорь бросили в такие воды,
Где многие проходят корабли, -
Зачем ему ты не даешь свободы?
Как сердцу моему проезжий двор
Казаться мог усадьбою счастливой?
Но все, что видел, отрицал мой взор,
Подкрашивая правдой облик лживый.
Правдивый свет мне заменила тьма,
И ложь меня объяла, как чума.

Сонет 138

Умищев:

Ты мне клянёшься в верности своей,
Не понимая даже, как ты воду замутила.
И заливаясь трелью будто соловей,
Ты думаешь, наверное, что я – мудила?

Я понимаю, что я, старое козл*и*ще,
Смешон, когда резваюсь я, как козлёнок.
Но без тебя я старый, глупый, нищий,
На всех и вся, как дьявол, обозлённый...

Конечно, быть с такою бабой лестно –
Как мужики все пялятся на нас!

Я молодею и душевно, и телесно,
Забывши про мигрень и геморрой тотчас.

А может, и взаправду я еще неплох?!

Я слеп, я глух, я лыс, но я совсем не лох!

Маршак:

Когда клянёшься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образцом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжешь,
Вообразив меня слепым юнцом.

Польщенный тем, что я еще могу
Казаться юным правде вопреки,
Я сам себе в своем тщеславье лгу,
И оба мы от правды далеки.

Не скажешь ты, что солгала мне вновь,
И мне признать свой возраст смысла нет.
Доверьем мнимым держится любовь,
А старость, полюбив, стыдится лет.

Я лгу тебе, ты лжешь невольно мне,

И, кажется, довольны мы вполне!

Сонет 139

Умищев:

Блядуй с кем хочешь, но чтоб я не знал:
Неужто ты не можешь втихаря и осторожно?
Я сам тебя возвёл на пьедестал,
С которого упав, убиться насмерть можно.

Что, сука, страшно мне взглянуть в глаза?
Опять нашкодила, блудливая козлица?
Не можешь вовремя нажать на тормоза?
Как после этого мне на тебя не злиться?

Ты знаешь, что твой взгляд страшней, чем у Медузы.
Ты им сразить способна наповал.
И если бы не дети и супружеские узы,
Я б от тебя давно уж ноги дал!

А впрочем, не щади меня, не надо.
Мне **на** хер не нужна твоя пощада!

Маршак:

Оправдывать меня не принуждай
Твою несправедливость и обман.
Уж лучше силу силой побеждай,
Но хитростью не наноси мне ран.

Люби другого, но в минуты встреч
Ты от меня ресниц не отводи.
Зачем хитрить? Твой взгляд - разящий меч,
И нет брони на любящей груди.

Сама ты знаешь силу глаз твоих,
И, может статься, взоры отводя,
Ты убивать готовишься других,
Меня из милосердия щадя.

О, не щади! Пускай прямой твой взгляд
Убьет меня, - я смерти буду рад.

Сонет 140

Умищев:

Ну, ты – змеюга, мать твою ети!
Умна, коварна, жало брызжет ядом.
Зачем попалась мне на жизненном пути,
Сразив меня своим распутным взглядом?
Обжегшись на воде, теперь я водку дую,
Но водкой загасить любовь нельзя...
Я тихо умираю, даже не блядую –
Я без тебя, как Фишер без ферзя.
Люби меня!.. Ну, хошь, я заплачу.
Ну, улыбнись и дай себя потрахать!
Но ты же, подлая, подобно палачу,
Безжалостно влачишь меня на плаху...
Держа мужскую честь, живу я и не охаю.
Но ты? Неужто же тебе мои страдания *по* хую?

Маршак:

Будь так умна, как зла. Не размыкай
Зажатых уст моей душевной боли.
Не то страдания, хлынув через край,
Заговорят внезапно поневоле.
Хоть ты меня не любишь, обмани
Меня поддельной, мнимой любовью.
Кто доживает считанные дни,
Ждет от врачей надежды на здоровье.
Презреньем ты с ума меня сведешь
И вынудишь молчание нарушить.
А злоречивый свет любую ложь,
Любой безумный бред готов подслушать.
Чтоб избежать позорного клейма,
Криви душой, а с виду будь пряма!

Сонет 141

Умищев:

Со мною, блин, творится чёрти что:
Неужто стал я уж таким всеядным?
С тобой я чувствую себя, как конь в пальто:
Душе тепло, а в целом как-то неприятно...
Твой образ вовсе не ласкает глаз,
Не возбуждают рук твоих касанье,
Но как-то непонятно я в тебе погряз...
За что ж такое Божье наказание?
Умом я понимаю, я – козёл, дурак...
Но сердцем и всем тем, что сердца ниже,
Я погружаюсь в сладострастный мрак...
И огонь любви мне даже пятки лижет...
Все знают: зла любовь – полюбишь и козу!
И будет век она торчать бревном в глазу

Маршак:

Мои глаза в тебя не влюблены, -
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.
Ушей твоя не услаждает речь.
Твой голос, взор и рук твоих касанье,
Прельщая, не могли меня увлечь
На праздник слуха, зренья, осязанья.
И все же внешним чувствам не дано -
Ни всем пяти, ни каждому отдельно -
Уверить сердце бедное одно,
Что это рабство для него смертельно.
В своем несчастье одному я рад,
Что ты - мой грех и ты - мой вечный ад.

Сонет 142

Умищев:

Да, я блядун... Я грешен! Ты права.
Но ежели по косточкам все разобрать,
Со сколькими делила ты кровать?
Ты тоже ведь порядочная блядь!
Я прокурору не хочу уподобляться,
Но ты ж мне изменяешь с каждым встречным,
Не это ль называют люди блядством?
... И я, конечно, не был безупречным.
Нет, я тебя, подруга, не грешней!
С тобой мы птицы одного ... помёта.
Что нам считаться, чей там грех страшней?
Мы друг от друга не различны ни на йоту.
Мы квиты: я – блядун, ты – блядь,
И нечего себя святым уподоблять!

Маршак:

Любовь - мой грех, и гнев твой справедлив.
Ты не прощаешь моего порока.
Но, наши преступления сравнив,
Моей любви не бросишь ты упрека.
Или поймешь, что не твои уста
Изобличать меня имеют право.
Осквернена давно их красота
Изменой, ложью, клятвою лукавой.
Грешнее ли моя любовь твоей?
Пусть я люблю тебя, а ты - другого,
Но ты меня в несчастье пожалей,
Чтоб свет тебя не осудил сурово.
А если жалость спит в твоей груди,
То и сама ты жалости не жди!

Сонет 143

Умищев:

Вон по колхозному двору дурная мать,
Забыв про безутешное дитё,
Курёночка пытается поймать
Чтоб мужику сготовить закусь под питьё
Ребёнок плачет, весь в дерьме и соплях,
А мать его всё тщится птицу изловить,
Не слыша сына жалобные вопли...
Ведь это ж не порядок, мать твою етить!
Так вот и ты забросила меня,
Гоняясь за паршивеньким курёнком.
Меня на вшивую никчёмность променяв,
Что скажешь ты несбывшимся потомкам?
Но коли хахаль даст отлуп, вертайся взад.
Мы наплодим с тобой с десяток шекспируют.

Маршак:

Нередко для того, чтобы поймать
Шальную курицу иль петуха,
Ребенка наземь опускает мать,
К его мольбам и жалобам глуха,
И тщетно гонится за беглецом,
Который, шею вытянув вперед
И трепеща перед ее лицом,
Передохнуть хозяйке не дает.
Так ты меня оставила, мой друг,
Гонясь за тем, что убегает прочь.
Я, как дитя, ищу тебя вокруг,
Зову тебя, терзаясь день и ночь.
Скорей мечту крылатую лови
И возвратись к покинутой любви.

Сонет 144

Умищев:

Что делать? Вот ведь, братцы, незадача:
Я всё, что движется, люблю, ну, что есть мочи!
И голубой, как день, мне дорог до усрачки'
И тёмноокая брюнетка, что чернее ночи.

Кто виноват? Виной тому гормоны!
А впрочем, что такое «виноват»?
Я просто жизнь люблю, а потому неутомонный
И я своей планиде даже рад.

Сегодня я заднепроходец-гомосек,
А завтра беспредельный лесбиянец.
Вся жизнь моя, как пир, во всей красе,
Да, я не мясоед, но и не вегетарьянец.

Он и она... Их будто изваял Пракситель!
Из них кто ангел мой, а кто мой искуситель?

Маршак:

На радость и печаль, по воле рока,
Два друга, две любви владеют мной:
Мужчина светлокудрый, светлоокий
И женщина, в чьих взорах мрак ночной.

Чтобы меня низвергнуть в ад кромешный,
Стремится демон ангела прельстить,
Увлечь его своей красою грешной
И в дьявола соблазном превратить.

Не знаю я, следя за их борьбою,
Кто победит, но доброго не жду.
Мои друзья - друзья между собою,
И я боюсь, что ангел мой в аду.

Но там ли он, - об этом знать я буду,
Когда извергнут будет он оттуда.

Сонет 145

Умищев:

Моя подруга вовсе оборзела нынче,
Сказавши мне в запале: «Ненавижу!»
Вот сучка! Я же в морду ей не тычу,
Когда он вострит к другому лыжи!
Сказал себе я: «Погляди, козёл,
Терпеть такое может ли мужик?»
Но тут заметив, как я дико зол,
Она замолкла, прикусив язык.
Понявши, что не то сказала, обнаглев,
Она, исправить положенье дабы,
На милость быстренько сменила гнев,
Сменив свой крик на голосочек слабый,
Застенчиво косынку теребя,
Почти шепча, сказала: «То не про тебя...»

Маршак:

Я ненавижу, - вот слова,
Что с милых уст ее на днях
Сорвались в гнев. Но едва
Она заметила мой страх, -
Как придержала язычок,
Который мне до этих пор
Шептал то ласку, то упрек,
А не жестокий приговор.
"Я ненавижу", - присмирив,
Уста промолвили, а взгляд
Уже сменил на милость гнев,
И ночь с небес умчалась в ад.
"Я ненавижу", - но тотчас
Она добавила: "Не вас!"

Сонет 146

Умищев:

Моя душа – купель греха земного...
Соблазнам я не в силах устоять:
На позолоты внешние я трачусь снова, снова...
А о душе забыл, едрёна мать!
А хули толку в нашем брэнном теле?
Оно ведь Богом нам займы дано,
Оно вместилище души, и что б мы ни хотели –
Мы ж станем прахом, тленом и говном!
Подумай о душе... Она всего важней!
А внешний лоск? Кому он, на хер, нужен?!
Вниманье уделяй чужой жене,
Не забывая иногда и про её же мужа.
Забудь про смерть, живи, пока живётся.
А срок придёт – все упадём на дно колодца!

Маршак:

Моя душа, ядро земли греховной,
Мятежным силам отдаваясь в плен,
Ты изнываешь от нужды духовной
И тратишься на роспись внешних стен.
Недолгий гость, зачем такие средства
Расходуешь на свой наемный дом,
Чтобы слепым червям отдать в наследство
Имущество, добытое трудом?
Расти, душа, и насыщайся вволю,
Копи свой клад за счет бегущих дней
И, лучшую приобретая долю,
Живи богаче, внешне победней.
Над смертью властвуй в жизни быстротечной,
И смерть умрет, а ты пребудешь вечно.

Сонет 147

Умищев:

И правда: то понос, то золотуха...
Но самая особая болезнь – любовь!
Она то духа пир, а то пердуха.
И, вдруг уйдя, к тебе приходит вновь.
Мой разум мне пытался подсказать,
Что надо меру знать, и всё такое...
Но страсть моя – упрямая коза,
Не оставляет плоть мою в покое!
И понял я – моя болезнь летальна –
Что чувства бродят сами по себе, блудливо.
И суждено отдать концы мне в спальней
С красавцем иль красоткой похотливой...
И лишь прожив всю жизнь, я начал понимать,
Что в жизни свет, что тьма, едрёна мать!

Маршак:

Любовь - недуг. Моя душа больна
Томительной, неутолимой жаждой.
Того же яда требует она,
Который отравил ее однажды.
Мой разум-врач любовь мою лечил.
Она отвергла травы и коренья,
И бедный лекарь выбился из сил
И нас покинул, потеряв терпенье.
Отныне мой недуг неизлечим.
Душа ни в чем покоя не находит.
Покинутые разумом моим,
И чувства и слова по воле бродят.
И долго мне, лишённому ума,
Казался раем ад, а светом - тьма!

Сонет 148

Умищев:

Мне кажется, совсем я охренел...
Весь мир со мной находится в разладе.
Под проливным дождём амурных стрел,
Живу я весь пушистый, в шоколаде.
Дружки ж талдычат, что моя подружка потаскуха.
(Ну, по-простецки говоря, простая блядь.)
Но милый голосок её моё ласкает ухо.
О, как посмели вы сей образ оскорблять!
Мои друзья мне лепят сущий вздор...
А, может, кто-нибудь из них и прав?
Неужто, в самом деле, лжёт мой взор,
Сквозь слёзы умиленья истину поправ?
Нет, коль любовь доводит вас до слёз,
Она, пожалуй, пострашнее, чем туберкулёз!

Маршак:

О, как любовь мой изменила глаз!
Расходится с действительностью зреньё.
Или настолько разум мой угас,
Что отрицает зримые явленья?
Коль хорошо, что нравится глазам,
То как же мир со мною не согласен?
А если нет, – признать я должен сам,
Что взор любви неверен и неясен.
Кто прав: весь мир иль мой влюбленный взор?
Но любящим смотреть мешают слезы.
Подчас и солнце слепнет до тех пор,
Пока все небо не омоют грозы.
Любовь хитра, – нужны ей слез ручьи,
Чтоб утаить от глаз грехи свои!

Сонет 149

Умищев:

Ты говоришь, что мы с тобой в войне,
И будто бы ты для меня не дорога
Но не права ты, неправа вдвойне,
Когда для всех рисуешь из меня врага
Скажи: Есть средь друзей моих твой враги?
И есть ли средь моих врагов твои друзья?
Да и к чему все эти глупые торги,
Когда твою хулу ни словом подтвердить нельзя?
Как добродетель я ценю твой грех,
А добродетели свои в глаза тебе не тычу.
Да и к чему в пылу ночных утех
Считать грехи? Ну, тыща... Ну, две тыщи!
И о моих изменах ты не пой!
Ты любишь зрячих. Я ж в любви слепой...

Маршак:

Ты говоришь, что нет любви во мне.
Но разве я, ведя войну с тобою,
Не на твоей воюю стороне
И не сдаю оружия без боя?
Вступал ли я в союз с твоим врагом,
Люблю ли тех, кого ты ненавидишь?
И разве не виню себя кругом,
Когда меня напрасно ты обидишь?
Какой заслугой я горжусь своей,
Чтобы считать позором униженье?
Твой грех мне добродетели милей,
Мой приговор - ресниц твоих движенье.
В твоей вражде понятно мне одно:
Ты любишь зрячих, - я ослеп давно.

Сонет 150

Умищев:

Нутром я чувствую: ты – блядь, не божество,
Но даже ненавижу сам себя за это.
Что делать? По душе твоё мне естество,
А посему ты так мила душе поэта.

И не влезает в рамки ямба и хоря
Моя любовь к тебе, к твоим грехам,
К изменам, даже к гонорее...
(Ведь ею одарил тебя я сам.)

Как сердце бьется у меня в груди,
Когда твои нагие вижу груди,
А я ж по женской части эрудит,
Ну, как артиллерист по части боевых орудий
Достоин высшей похвалы, едрёна мать,
Тот, кто сумеет полюбить и блядь!

Маршак:

Откуда столько силы ты берешь,
Чтоб властвовать в бессилье надо мной?
Я собственным глазам внушаю ложь,
Клянусь им, что не светел свет дневной.

Так бесконечно обаянье зла,
Уверенность и власть греховных сил,
Что я, прощая черные дела,
Твой грех, как добродетель, полюбил.

Все, что вражду питало бы в другом,
Питает нежность у меня в груди.
Люблю я то, что все клянут кругом,
Но ты меня со всеми не суди.

Особенной любви достоин тот,
Кто недостойной душу отдает.

Сонет 151

Умищев:

Нет, блин, прошу, не вспоминай про совесть.
Какая, на хер, совесть в наши годы?
Иль ты, к любовной битве изготoviaсь,
Не знала будто – где любовь, там и невзгоды?
Ты ж предала меня, так хочешь ты чего же?
Чтоб верность я хранил при том тебе?
Нет, червь сомненья более меня не гложет,
Я в извинениях не буду гнуть хребет!
При виде дев вся плоть моя игриво
Вздывается, и бродит мысль тупая...
И хомо сапиенс во мне тогда стыдливо,
Хомо эректусу дорогу уступает.
Давай о совести мы лучше помолчим,
Не попрекая никого грехом ничьим.

Маршак:

Не знает юность совести упрёков,
Как и любовь, хоть совесть - дочь любви.
И ты не обличай моих пороков
Или себя к ответу призови.
Тобою предан, я себя всецело
Страстям простым и грубым предаю.
Мой дух лукаво соблазняет тело,
И плоть победу празднует свою.
При имени твоём она стремится
На цель своих желаний указать,
Встает, как раб перед своей царицей,
Чтобы упасть у ног её опять.
Кто знал в любви, паденья и подъёмы,
Тому глубины совести знакомы.

Сонет 152

Умищев:

Моя измена – лишь плевков из дома,
Твоя же – осквернение очага.
Ты похотью безмерною влекома,
На наше ложе завлекла врага.

Хотя, не стоит распалаться, право:
Я, мягко говоря, и сам не без греха,
Я сам с бабьем гулял налево и направо,
А ты была скромна, стыдлива и тиха.

Но ты тихоней притворялася нарочно,
А я, осёл, звонил по всей округе,
Что ты, как Дева Пресвятая, непорочна,
Что лучше не было и нет нигде подруги.

Твою измену одолеть найду я сил,
Я ж тоже у тебя прощенья не просил...

Маршак:

Я знаю, что грешна моя любовь,
Но ты в двойном предательстве виновна,
Забыв обет супружеский и вновь
Нарушив клятву верности любовной.

Но есть ли у меня на то права,
Чтоб упрекнуть тебя в двойной измене?
Признаться, сам я совершил не два,
А целых двадцать клятвопреступлений.

Я клялся в доброте твоей не раз,
В твоей любви и верности глубокой.
Я ослеплял зрачки пристрастных глаз,
Дабы не видеть твоего порока.

Я клялся: ты правдива и чиста, -
И черной ложью осквернил уста.

Сонет 153

Умищев:

В лесной глуши, нажравшись, как свинья,
Храпел, как будто бы извозчик, Купидон.
Но факел* свой любовный хороня,
Зажал меж ног, несчастный скопидом.

Но нимфа стибрила любовный причандал,
И опустила факел в ледяную воду.
Но факел, как стоял, так и стоял,
Как часовой стоит во мрак и непогоду...

А дело в том, что факел был зажжён
От пламени моей подруги глаз.
И после этого ласкал он столько жён,
И в жизни выручал меня не раз.

А факел тот прекрасен, как опал,
И славен тем, что он ни разу не опал!

*Существительное, образованное от английского глагола **to fuck** (прим. Л.У.)

Маршак:

Бог Купидон дремал в тиши лесной,
А нимфа юная у Купидона
Взяла горящий факел смоляной
И опустила в ручеек студёный.

Огонь погас, а в ручейке вода
Нагрелась, забурлила, закипела.
И вот больные сходятся туда
Лечить купаньем немощное тело.

А между тем любви лукавый бог
Добыл огонь из глаз моей подруги
И сердце мне для опыта поджег.
О, как с тех пор томят меня недуги!

Но исцелить их может не ручей,
А тот же яд - огонь ее очей.

Сонет 154

Умищев:

Однажды купидон уснул на берегу,
Зажавши факел свой любовный между ног.
И тут же сонмы нимф к нему бегут –
Ведь любопытством наградил тех девок Бог!

Одна из них приблизилась к божку,
Пытаясь в руки взять то, чем любовь куют.
«Ой-ой! Я об него все руки обожгу!»
И окунула факел в холодную струю.

Вода в ручье навеки потеплела,
В нём стали от бесплодия лечить.
А бог, проснувшись, нимфу стал умело,
Как пользоваться факелом, учить.

Эх, баба глупая! Не знала, что вода
Не охлаждает страсти никогда.

Маршак:

Божок любви под деревом прилег,
Швырнув на землю факел свой горящий.
Увидев, что уснул коварный бог,
Решились нимфы выбежать из чащи.

Одна из них приблизилась к огню,
Который девам бед наделал много,
И в воду окунула головню,
Обезоружив дремлющего бога.

Вода потока стала горячей.
Она лечила многие недуги.
И я ходил купаться в тот ручей,
Чтоб излечиться от любви к подруге.

Любовь нагрела воду, - но вода
Любви не охлаждала никогда.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АКРОСТИХ АВТОРА ПЕРЕВОДА

Друг, не суди меня уж слишком строго!
Охальник я, но я не заслужил острога...

Свидание с тобой, мой дорогой читатель,
Верь – всё равно: хулитель или почитатель,
Источник радости и страстного волнения,
Дающего мне новые истоки вдохновения.
А что коли писал бы я, козлиная, в ящик?
Наверно, жил тогда б я жизнью не настоящей...
И вот умолкли чувства, шквал страстей утих...
Я думаю, ты понял этот акростих!

Игорь Ушаков

СТИХИ

САН - ДИЕГО
2008



Игорь Ушаков

ПОЭМЫ

САН - ДИЕГО
2008



Игорь Ушаков

ПРОЗА

САН - ДИЕГО
2008



Игорь Ушаков

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЕГОРИЯ

САН - ДИЕГО
2009



Игорь Ушаков

СЕМЕЙНАЯ САГА

САН - ДИЕГО
2009



Игорь Ушаков



оХАльные

ПОЭМЫ



Записки нейтрального человека

Игорь Ушаков



САН - ДИЕГО
2010

